„Socialistitcheski Vestnik"
„Le Courrier Socialiste"
„Der Sozialistische Bote"

REVUE BIMENSUELLE

Prix — 6 frs

Organe Central du Parti Socialdémocrate Russe
141, rue Broca (bât. 11)
PARIS (13e)

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Центральный Орган Российск. Социал-Демократ. Рабочей Партии
Основан Л. МАРТОВЫМ. Выходит 2 раза в месяц.

№ 23/24 (427/428)
18-й г. издания

Подписная цена для Франции, Бельгии, Чехословакии, Польши и Югославии: за год 100 фр., за ½ г. — 50 фр., за ¼ г. — 25 фр., для С.А.С.Ш.: за год—6 долл., за ½ г.—3 долл., за ¼ г. 1,50 долл.; для остальных стран: за год—150 фр., за ½ г. — 75 фр., за ¼ г.—40 фр. За перем. адр.—1 фр. Конт. и ред.: 11, Square Albin Cachot (141, r. Broca), Paris XIII. Тел.: Port-Royal 05-25
Chèques Postaux « Le Courrier Socialiste » — 359,84 Paris.
Прием по делам ред.: по понед., средам и пятницам, от 11—1 ч.

27 Декабря 1938 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Падение Ежова

Свою головокружительную чекистскую карьеру Ежов закончил куда быстрее, чем его предшественник, Ягода: в каких-нибудь два с четвертью года. Нас это не удивляет. В самый разгар величия Ежова, когда Калинин украшал его грудь орденом Ленина, а «Правда» захлебывалась восторженными дифирамбами «величайшей революционной бдительности и железной воле, острому большевистскому глазу и организаторскому таланту, недюжинному уму и тончайшему пролетарскому чутью» нового сталинского временщика, мы напомнили о Ягоде, который так недавно был предметом столь-же низкопоклонной лести, а оказался «подлым предателем и врагом социализма». И мы кончали: «Хорошо начал «товарищ Ежов. Чем-то кончит?» Советские газеты от 8 декабря дали ответ на этот вопрос...

Правда, через иностранных корреспондентов московские «осведомленные» лица старательно оповещают весь мир, что пост главы НКВД Ежов покинул лишь «по расстроенному здоровью», что он сохраняет за собою руководство Наркомводом, что нет поэтому никаких оснований говорить об его «опале» и т. д. Но все эти высоко-оффициозные сообщения и опровержения стряпаются исключительно для заграницы: в советских газетах о них нет ни полслова. И понятно, почему: советские граждане помнят, конечно, что тяжкая неизлечимая болезнь не помешала Менжинскому ряд лет оставаться хотя бы номинальным председателем ГПУ, фактическим главой которого уже давно был Ягода; они помнят, что назначение Ягоды на пост Наркомпочтеля не помешало превращению его через весьма короткое время в «бешеного пса» и «агента Гестапо»; и, главное, они понимают, что значит сухое, сопровождаемое гробовым молчанием и «хозяина», и его подручных, шестистрочное сообщение газетной хроники об «освобождении, согласно его просьбе», от обязанностей НКВД «неусыпного стража революции», перед которым вчера еще все склонялось ниц, которого вчера еще было обязательно славить на все лады, как героя, сумевшего «очистить нашу прекрасную землю от шпионских, вредительских и диверсантских гнездъ и превратить «нашу разведку» в «плоть от плоти и кость от кости всего народа», мобилизовать ей в помощь «миллионы глаз, миллионы ушей, миллионы рук трудящихся» (все цитаты взяты из передовицы «Правды» от 18 июля 1937 г.).

Нет сомнения, что не только политическая карьера Ежова кончилась, но приходит к концу и его бренное существование: он был слишком деятельным соучастником бесчисленной вереницы сталинских преступлений, чтобы не стать опасным для Сталина в качестве живущего «не у дел» свидетеля. Ему нет и не может быть места на сталинском свете, и если он действительно болен, то особым счастьем для него будет, если Сталин сможет достаточно скоро «умереть» его туберкулезом или спинной сухоткой, не протащив его предварительно сквозь кровь и грязь, сквозь ужасы и позор нового «процесса».

Участь Ежова решена. Но за два года своего владычества он сам сумел так забрызгать себя грязью и кровью, что вряд-ли найдется хоть один человек, способный остановиться над этою участью с состраданием и сочувствием. И единственный вопрос, который вертится сейчас у всех на устах, это вопрос о том, что-же означает собою назначение Л. П. Берия на пост Ежова: простую смену лиц или смену системы? И, ес-

ли смену или видоизменение системы, то в каком смысле?

Берия — сталинский холоп, побивший рекорд «подхалимажа»: это он «сочинилъ (в буквальном смысле этого слова!) историю с. д. работы на Кавказе, превратившую Сталина не только в родоначальника, творца и гениального руководителя всей с. д. работы и всего рабочего движения на Кавказе, но еще и в духовного отца чуть не всей российской социалдемократии. То, что Сталин нашел нужным выписать с Кавказа этого «своего» человека и ему вручить не только «выкорчевывание» врагов и супостатов, но и свою личную охрану, не только придает достоверность слухам о все вновь и вновь возникающих заговорах и покушениях на его жизнь, но и доказывает, как сузился уже круг тех лиц, которым диктатор может хоть сколько-нибудь доверять. Не будет ничего удивительного, если подтвердится проникшее заграницу сообщение, что первым актом Берия была замена личной охраны Сталина привезенными с Кавказа «земляками» его, специально тренированными на личную преданность ему. Чего следует во всяком случае ожидать от Берия, это — еще бо́льшего, если возможно, усиления культа Сталина, обожествления «августейшего» диктатора. Смена Наркомвнудела означает во всяком случае не ослабление, а скорее укрепление режима единодержавия.

Но Берия — не только сталинский подхалим. Он еще долголетний глава грузинской Чека, творивший на этом посту самую жестокую расправу с врагами и противниками сталинского режима, и, быть может, первый из сталинских палачей, решившийся по локоть окунуть свои руки в кровь и социалдемократов, и старых большевиков. Было бы поэтому чистейшей иллюзией истолковывать падение Ежова, как обетование грядущего ослабления беспощадной расправы с политическими противниками сталинского режима: не только политическое, но и физическое истребление этих противников остается законом существования сталинского единодержавия, и можно быть уверенным, что в этом отношении Берия не хуже Ежова будет выполнять возлагаемую на него задачу.

Но зато ничего нет невероятного в том, что воцарение Берия ознаменовалось, как сообщают опять-таки заграничные газеты, посылкой 150 комиссий по тюрьмам и концлагерям для проверки и массового освобождения тех сотен и тысяч не-политических заключенных, преимущественно техников, специалистов и чиновников всякого рода, которых Ежов запихал туда под предлогом «вредительства» и «шпионажа», а на самом деле лишь потому, что они были, если не родными и друзьями, то ставленниками, «клиентами» и сотрудниками расстрелянных и «выкорчеванных» им бесчисленных «врагов народа».

Если бы эти сведения подтвердились, — а мы думаем, что они подтвердятся, — то они свидетельствовали бы о том, что перед лицом становящейся все грознее военной опасности диктатор в панике и страхе отшатывается от того разгрома военной и хозяйственной мощи страны, который — по его-же приказу! — учинен его «верными слугами», и спешит хоть сколько-нибудь исправить колоссальный вред, нанесенный боe- и обороноспособности страны массовым систематическим истреблением нужных ей сил и систематическим-же засорением всего ее военного, административного и хозяйственного аппарата политическою и моральною мразью и грязью, которое, по иронии, называется «чисткой».

Этот вынужденный «шаг назад» Сталин делает с тою-же азиатскою хитростью, с которою он не раз уже делал подобные шаги. Та вакханалия расправ и так называемых «чисток», которая пронеслась над страною за последние два-три года, имела политическою целью удушение в зародыше всякой массовой активности, которая могла бы стать опасной режиму единодержавия. Но это удушение было в то же время и ее непременным условием. Только при глубоком молчании масс, скованных по рукам и ногам, был возможен такой разгул террора, но зато и нарастание глухого, но все более острого возмущения масс, одинаково опасного и для режима, и для боеспособности страны, было его неизбежным следствием. Сбрасывая с кремлевской стены Ежова, диктатор еще раз хочет внушить массам мысль, что виноват не народолюбивый «царь», а извращающий его волю «псарь».

Но эта сказка о царе и псаре повторяется слишком уж часто, чтобы не потерять наконец убедительности. И это тем более, что легко отделить на бумаге «не-политических» жертв сталинского единодержавия от его политических жертв. На самом деле без политических предпосылок и бериевская «весна» очень скоро сменится хмурой осенью и суровой зимой, которые ничем не будут отличаться от ежовских. Начав уже «чистку» ежовских ставленников в своем наркомвнудельском аппарате, Берия будет силою вещей вынужден все больше расширять круг своих расправ, и можно поручиться, что тюремных и концлагерных коек, освобожденных жертвами ежовских «злоупотреблений», скоро не хватит для всех жертв бериевской «бдительности», которая, в свою очередь, будет раньше или позже признана «злоупотреблением».

Сталинское единодержавие уже не может вырваться из того порочного круга, в который оно попало и который и с внутренне-, и с внешне-политической точки зрения делает его величайшей опасностью для страны и революции. Нужна его ликвидация, и притом демократическая ликвидация, чтобы завоевания революции могли быть спасены, и чтобы страна могла противостоять готовящемуся против нее военному натиску. Смена руководящего персонала ГПУ ни в какой степени шагом к такой ликвидации не является. Но она является новым и весьма показательным симптомом все большего накопления неразрешимых противоречий, обостряющих неизлечимый кризис сталинского единодержавия и подготовляющих его взрыв. В этом и только в этом политическое значение падения Ежова.

Р. АБРАМОВИЧ.

ВОСТОК И ЗАПАД

После сентябрьской трагедии, разыгравшейся в Чехословакии, наступает следующий акт. Уже теперь начинают более конкретно вырисовываться его очертания. Геологический переворот, который был произведен в европейской и мировой политике в сентябре этого года, в роковые дни Берхтесгадена, Годесберга и Мюнхена, не ограничился Центральной Европой. Потоки «динамической» лавы, извергаемые тоталитарными государствами, разливаются по всему континенту Европы, расплавляя старые сложившиеся после Версаля политические границы, образуя новые трещины в политической коре, нагромождая новые напластования.

Уже при крушении Чехословакии наметилось основное направление этих потоков в Восточной Европе. Сложная политическая интрига, завязавшаяся вокруг Прикарпатской Руси, и на первых порах вызывавшая общее недоумение, очень скоро получила свое раз'яснение: речь шла для Германии о подготовке похода на Украину.

Дело идет пока не о военном походе в собственном значении этого слова, а лишь о политически-психологической подготовке его. Надо поставить в порядок дня новой, по-мюнхенской Европы проблему, которая бы дальше революционизировала отношения, которая переворачивала бы вверх дном сложившиеся границы и на Востоке Европы и которая, конечно, прежде всего расчищала бы путь для победоносного шествия гитлеровского империализма на Восток, вбивая смертельный клин в тело России, этой основной преграды на пути Германии и ее «дранг нах остен».

Такой проблемой является Украина. Ее естественные богатства давно уже привлекают внимание и аппетиты германских кругов, ее специфическое национальное положение, рост украинского национализма и сепаратизма украинской интеллигенции, — все это еще со времени мировой войны служило предметом крупной политической игры со стороны австрийских и германских военных и промышленных кругов. В германских и австрийских лагерях русские военнопленные украинского происхождения подвергались специальной обработке, при содействии украинских агитаторов из революционных партий. В период февральской революции австрийские и германские агенты затрачивали немало усилий на разжигание украинского сепаратизма и своеобразного «большевизма» в русской Украине. События, имевшие место на Украине во время брестских переговоров и после них, в эпоху Рады, гетманщины и т. д., слишком хорошо известны нашим читателям, чтобы стоило на этом подробно останавливаться. Можно считать установленным, что если-бы центральные державы победили в мировой войне, то ими была бы создана та или иная форма вассального украинского государства под номинальным суверенитетом какого-нибудь габсбургского или гогенцоллернского отпрыска. Победа Антанты и установление веймарской республики в Германии на два десятилетия сняли украинскую проблему в этой форме с очереди. Но в тиши различных канцелярий, под прикрытием научных, исторических и иных безобидных институтов в Германии даже во времена Веймара, даже при господстве Рапалло никогда не обрывались совершенно нити, связывавшие германский рейхсвер и носителей пангерманского империализма с украинским сепаратизмом. По доброй немецкой пословице: отложить не значит отменить. Само собою разумеется, что со времени победы гитлеризма в 1933 г., когда вся идеология и вся программа великогерманского империализма воскресла с новой небывалой силой; когда вся историческая миссия национал-социализма, весь его пафос и вся его мистика направилась на создание предпосылок (и аппарата) для воскрешения на новой, тоталитарно-плебейской диктаторской основе традиционных империалистических планов мирового господства Великой Германии, — само собою разумеется, что в общей связи со всеми другими частями изложенного в «Мейн Кампф» «великого плана» была извлечена из архива и проблема Украины. В Берлине были созданы специальные курсы для подготовки администраторов для будущей «самостоятельной Украины». В Германию стали стягиваться кадры для образования украинской нац.-соц. партии. Но с той методичностью, которая так характерна для гитлеризма, проблема эта была вставлена в определенные исторические рамки и связана с рядом определенных предпосылок. В ответе, который Гитлер дал нетерпеливым украинским патриотам в 1934 г., он указывает на то, что проект создания украинского государства может быть поставлен лишь в связи с расчленением России, а следовательно не немедленно. Но Гитлер не ограничился пассивным выжиданием того момента, когда на карту будет поставлена общая проблема России, а упорно, систематически и по заранее обдуманному плану сам готовил по крайней мере часть необходимых для этого международных и военно-стратегических предпосылок. После того, как ему удалось при попустительстве Англии и благодаря дряблости правящих кругов Франции, парализованных в свою очередь в немалой степени стихийным пацифизмом масс, занять без всякой помехи демилитаризованную полосу и возведенными там укреплениями связать Францию в Средней Европе, Гитлер произвел «аншлусс» Австрии и тем предрешил судьбу Чехословакии. Гитлер, конечно, никогда не мог расчитывать на то, что ему с такой легкостью, безнаказанностью и без всяких встречных компенсаций дадут выполнить полностью всю свою программу в этой части Европы. В этом смысле поведение демократических держав и Мюнхен был для него прямо подарком неба. Но в той или иной форме судьба Центральной Европы в смысле превращения ее в вассальную провинцию Германии была предрешена с того момента, как в Берлине была раздавлена германская, а в Вене австрийская социалдемократия, — эти две единственные гарантии мира и демократии в Средней Европе.

Так или иначе, с падением чехословацкого «барьера» и превращением Прикарпатской Руси в «таран» против Польши и Румынии, украинский «фронт» приобретает не только актуальное, но и практическое значение. Украинские политики в Польше и Румынии, поставленные перед миражем украинской государственности, осуществляемой при поддержке самого могущественного сейчас в Европе государства, не устоят, конечно, против искушения, как бы ясно они ни понимали (а не понять этого нельзя даже при самом большом националистическом ослеплении), что никакого украинского государства они фактически не получат, а превратятся с самого начала в рабов гитлеровской Германии, в агентов и пушечное мясо для целей германского империализма. Уже украинские депутаты польского сейма выступили с требованием автономии для украинских областей Польши, и на этом дело очевидно не остановится. За «карлсбадскими пунктами» и требованием автономии последует, по испытанному судетскому методу требование «самоопределения», поддержанное в надлежащий момент, опять-таки по судетскому прецеденту, угрозой военного вмешательства со стороны гитлеровской Германии, этой — как известно — присяжной защитницы всех угнетенных. Требование самоопределения для украинцев будет, в подходящий опять-таки момент, обращено не только к Польше, но и к Советскому Союзу, — в момент, который национал-социалистическая Германия сочтет подходящим для сведения счетов с Россией. Точнее, самый лозунг этого самоопределения, как и вся «украинская кампания» будут выдвинуты для приближения момента расчленения России, как один из рычагов этого расчленения.

Мы не будем здесь останавливаться на самом украинском вопросе, на проблеме автономии Западной Украины в пределах Польши, на формах сожительства украинцев и русских в рамках нынешнего, сталинского Советского государства. Ибо дело сейчас совершенно не в законности или основательности украинских национальных, территориальных или государственных претензий. Ведь и жалобы судетских немцев сами по себе не были совершенно лишены оснований, и Соц. Интернационалу, напр., в прежние годы неоднократно при-

ходилось указывать на те нарушения национальных прав немецкого меньшинства, которые производились в Чехословацкой республике. Но одной из особенностей немецкого гитлеризма, отличающей его от других разновидностей фашизма, является то, что он при проведении своей империалистической и захватнической политики подчас опирается на действительно существующие потребности жизни, стремясь разрешить по своему и в своих интересах проблемы, которые не были в свое время разрешены революционным или демократическим путем. Так было с Версальским договором, с аншлуссом Австрии, с национальными правами судетских немцев. Так сейчас и с украинской проблемой. Но было бы непростительным доктринерством со стороны демократов, революционеров, социалистов, если бы они при определении своей политики руководились не общей оценкой гитлеризма и не общими перспективами политического и социального развития, а дали бы себя поймать на удочку того зернышка «об'ективной справедливости», которое заключается в тех или иных отдельных лозунгах национал-социалистической демагогии. Ведь это все равно, как впустить в дом, где лежит больной, банду вооруженных разбойников, ломящихся в ворота под предлогом, что они врачи, призванные лечить больного. Наличность больного — факт, как факт и то, что больного надо лечить. Но не ясно ли, — в особенности после чехословацкой трагедии, — что, проникнув в дом под тем или иным предлогом, бандиты не только не спасут больного, но, наоборот, вырежут и ограбят все население дома?

Международный социализм, мировая демократия должны твердо помнить, что все, к чему ни прикасается фашизм, превращается в свою противоположность: «право» становится беззаконием, «справедливость» — величайшей несправедливостью, «свобода» — худшим видом рабства.

Трудно ожидать, однако, как мы уже указали выше, чтобы широкие круги буржуазно-националистических украинских политиков смогли стать на эту точку зрения и отказаться от участия в гитлеровской игре (как читатели могут видеть из заметки «Конец украинской социалдемократии», напечатанной у нас в отделе «Заграницей», даже украинские социалдемократы не смогли устоять против соблазна — получить «народную украинскую республику» из рук гитлеровского фашизма). Но это означает, что отныне и Восточная Галиция в Польше и Буковина в Румынии, да и до известного предела, русская часть Украины становится плацдармом украинско - гитлеровской пропаганды, где на службу идее, якобы, независимой Украины, а на самом деле делу ново-германского империализма будут брошены все силы украинского национализма и патриотизма. Опасность приобретает серьезный характер.

Эта угроза немедленно вызвала перегруппировку сил, заинтересованных в сохранении статус-кво в Восточной Европе. Мир был ошарашен несколько внезапным возвещением восстановления польско советской дружбы. Контраст между этим сообщением и тем «обменом любезностей», который произошел примерно два месяца тому назад в связи с походом Польши на Тешинскую область Чехословакии был слишком резок, чтобы не вызвать недоумения. Но ведь за эти два месяца в Восточной Европе совершилась подлинная революция: рухнула Чехословакия под напором гитлеризма и коренным образом изменилась вся политическая ситуация.

Само собой разумеется, что сближение между Советской Россией, Польшей и Румынией (о последнем сви-

---

ГЕОРГ ВИЗЕР.

Судьбы капитализма

Не подлежит сомнению, что сосуществование капиталистических стран старой демократии, вооруженных до зубов и перестроивших уже свое хозяйство на военную ногу фашистских государств и, наконец, государства, подобного Советскому Союзу, где частный капитал отстранен от хозяйственных и социальных функций, выдвигает ряд своеобразных, не только политических, но и экономических проблем, имеющих весьма существенное значение как для развития мирового хозяйства и хозяйства отдельных стран, так и для обще-политического развития.

Для развития капитализма имеет немаловажное значение тот факт, что все возростающая доля национального продукта идет на вооружения и подпадает под контроль государства, расширяя таким образом сферу его финансового и хозяйственного господства.

Но как влияет эта общая интенсификация хозяйственной деятельности, получающая толчок от роста вооружений, на течение кризиса в условиях сосуществования разнородных хозяйственных систем? Куда идет капиталистическая эволюция в этой фазе «вооруженного» мира?

В 1937 году мировое производство достигло небывалой еще в истории капитализма высоты: он было на 7 процентов выше, чем в 1926 году, превышало на 14 процентов мировое производство 1929 года, последнего года высокой кон'юнктуры перед большим кризисом, и на 58 проц. мировое производство 1913 года.

Несмотря на увеличение населения средняя душевая обеспеченность продуктами улучшилась: если цифру средней обеспеченности для 1913 года принять за 100, то для 1929 года она будет равна 127,5, а для 1937 года, года новой наивысшей кон'юнктуры, — 129,5. Однако, действительная обеспеченность миллионных масс, истерзанных кризисом, безработицей, урезками заработной платы и общим понижением жизненного уровня, не только не соответствует схематической картине, даваемой статистикою средней обеспеченности, но и самый характер тех продуктов, которыми быстро возростающее капиталистическое производство одаряет человечество, стоит в резком противоречии к обеспеченности благами, которые могли бы служить потреблению и тем самым улучшению положения людей. Ибо рост производства ограничивается исключительно производством промышленным. Сельско-хозяйственное производство с 1929 по 1938 год упало со 100 до 94, т. е. на 6 проц., а в рамках с.-х. производства производство сырья росло в три раза быстрее производства предметов питания. В Европе промышленное производство поднялось со 100 в 1913 году до 121 в 1929 году, в разгар высокой предкризисной кон'юнктуры, и до 130 в 1937 году, в то время как для сельско-хозяйственной продукции соответствующей цифрой для 1937 года будет лишь 120. Вне Европы различие еще резче: промышленное производство поднимается с 1913 по 1929 г. со 100 до 175, а к 1937 году до 215, между тем

детельствует истребительный поход против гитлеровской «Железной Гвардии», начавшийся в Румынии) может значительно затруднить планы Гитлера на Востоке Европы. Но капитальное и, — при нынешней слабости Сов. Союза, не говоря уже об экономической отсталости Румынии и Польши, — даже решающее значение в намечающейся гигантской борьбе будет иметь позиция стран Запада, в частности англо-французского блока.

Случилось так, что почти одновременно с опубликованием декларации о русско-польской дружбе, в Париже было подписано Рибентроппом и Боннэ соглашение о дружбе франко-германской. Имеем-ли мы тут дело с простым совпадением во времени, или же франко-германский договор, заключенный, — конечно, не без ведома Англии, — содержит в себе уже ответ на проблему, поставленную польско советским соглашением в связи с Украиной? Основательно-ли приписываемое французскому министру Боннэ намерение купить мир для Франции и безопасность для французских колоний путем предоставления Германии «свободных рук» на Востоке Европы? На все эти вопросы до сих пор окончательного ответа не дано. Но тем более необходимо отдать себе отчет в направлении удара, подготовляемого на основе своеобразного «разделения труда», авторитарным блоком на Западе.

Параллельно и одновременно с «украинской» акцией на Востоке Европы, руководимой Германией, развивается и нарастает на Западе кампания, проводимая Италией против наиболее слабого звена демократического блока — Франции. Усиливается, несмотря на все лицемерные заявления и жесты, итальянско - германская интервенция в Испании, где Франко, готовясь к решительному удару, политически облегчает себе задачу прокламированием монархии, и где победа реакции явилась бы национальным поражением для Франции. И, что характернее всего для настоящего момента, в Италии развязывается бешеная кампания против Франции, от которой не только органы печати, но и депутаты в итальянской палате в неслыханно провокационной форме требуют Корсики, Савойи, Туниса, Джибути.

Конечно, в данный момент эти домогательства имеют пока еще только демонстративное значение. Трудно себе представить, чтобы Муссолини всерьез предполагал, что наступил момент для расчленения Франции и экспроприации ее колоний. (Его умеренная последняя речь в Карбонии об этом свидетельствует). Его непосредственная задача в этот момент — напугать Францию максималистскими требованиями, угрозой войны, восстанием в колониях, — для того, чтобы добиться от нее ряда уступок в Сомали и в управлении Суэцким каналом, и для того, чтобы иметь об'ект для политики «компенсаций» в предстоящих переговорах с Чемберленом и Галифаксом в Риме. С другой стороны шумливые кампании и демонстрации итальянского фашизма должны представить собой диверсию для планов Гитлера относительно Украины: связывая Францию и Англию проблемами западного мира на африканских колониях, Суэце и т. д., фашистский блок облегчает подрывную работу гитлеровской пропаганды на Востоке, изолируя Россию, отодвигая ее проблемы на задний план, отвлекая решающие политические факторы в совершенно другую сторону.

Как и в последней мировой войне, германский блок имеет возможность маневрировать по «внутренней линии» сообщений: он может по своему выбору производить очередной нажим то на Востоке, то на Западе. На данной стадии все это еще маневр. Но может ли

как для с.-х. продукции соответстующая цифра достигает к 1937 году лишь 146.

Таким образом, со времени последнего мирового кризиса и, особенно, в самые последние годы хозяйственное развитие мира характеризуется громадным развитием промышленного производственного аппарата при одновременном, по малой мере относительном, ухудшении жизненного уровня человечества, подстегиваемого демоном бурного производственного роста. Есть, разумеется, и промышленные продукты, непосредственно служащие потреблению, но неоспоримая диспропорция в росте промышленной и с.-х. продукции является недвусмысленным признаком общей диспропорции между возростающим богатством общества и потреблением пролетарских, мелко буржуазных и мелко-крестьянских масс: постоянно повторяющееся в капитализме нарушение равновесия, которое Маркс установил, как одну из важнейших причин кризисов. Сильнее всего эта диспропорция в Третьем Рейхе, усиленные вооружения которого и создают то парадоксальное положение во всем мире, выражением которого является общая миро-хозяйственная диспропорция между производством средств производства и средств потребления.

Мобилизация всех хозяйственных сил Германии служит исключительно целям подготовки войны. Это показывают данные о затраченных рабочих часах. По официальной статистике общее число их в германском хозяйстве поднялось с 111,0 в июне 1937 г. до 117,6 в июне 1938 г. (данные за 1936 г. — 100). Но как неравномерно распределяется эта добавочная рабочая сила, полученная к тому же главным образом путем беспощадного удлинения рабочего дня! В производстве капитальных продуктов — так стыдливо обозначает официальная статистика производство вооружения — индекс затраченных рабочих часов поднялся с 113,1 до 124,4. В производстве-же средств питания общее число затраченных часов упало с 102,6 до 100,9, а в пищевой промышленности с 101,9 до 99,8! Это значит: германские рабочие делают добавочную работу не затем, чтобы лучше питаться; они работают лишь на войну и на усиление против них-же направленного аппарата насилия! Ибо и общее число рабочих, занятых в различных отраслях промышленности, распределяется по тому-же варварскому принципу перевода народа на голодную диэту во имя усиления вооружений: в производстве капитальных продуктов — повышение индекса занятых с 112,6 до 122,5, в пищевой промышленности — понижение с 102,3 до 101,2!

Картине этой соответствует и тот факт, что, несмотря на возрастание занятой рабочей силы, потребление снижается или обнаруживает лишь самое ничтожное повышение. Так, во всем Рейхе обороты булочников, охваченных закупочными обществами кооперативного союза, понизились с 98,8 в июне 1937 г. до 95,1 в июне 1938 г. (1936 г. = 100). Таким образом в Германии продается на 5% меньше хлеба, чем в 1936 году! И это понижение основного предмета питания наблюдается вопреки более сильному напряжению рабочей силы!

В остальном, не-фашистском, мире противоречие между развитием производства средств производства и средств потребления не так резко, как в Третьем Рейхе, но не подлежит сомнению, что в результате мюнхенского лже-мира и обусловленного им усиления Третьего Рейха вооружение еще усилится, а вместе с тем возрастет и производство средств производства за счет средств потребления. Рузвельт разрабатывает програму вооружения, которая должна затмить все до сих

еще кто-нибудь, — кроме тех, конечно, которые желают быть обманутыми, — делать себе иллюзии насчет всей серьезности создавшегося в Европе после Мюнхена положения?

На карту поставлена не только судьба России, но и Франции. Одновременно с участью Украины решится и участь французской колониальной империи. Киев волею судеб связан с Тунисом и Джибути, Донецкий бассейн — с Корсикой и Алжиром.

Ибо, успешно использовав «свободные руки», предоставленные ему в Восточной Европе ослепленными буржуазными правительствами Франции и Англии, фашистский блок станет полновластным властелином всего европейского континента, которому никто и ничего уже не сможет преградить путь к мировому господству. Но путь к этому последнему лежит через трупы старых колониальных империй и, прежде всего, Франции. Домогательства и претензии Муссолини, которые сегодня кажутся еще утопическими и смехотворными, останутся ли таковыми завтра, когда они будут пред'явлены от имени блока, установившего, через «независимую Украину» свое господство над гигантскими естественными рессурсами и неисчерпаемыми человеческими массами всей Средней и Восточной Европы?

К сожалению, сознание этой опасности лишь медленно проникает на Запад. И если в Англии поворот в общественном мнении намечается все явственнее, то во Франции процесс совершается гораздо медленнее. Последняя речь министра иностранных дел Боннэ в палате при обсуждении бюджета служит тому ярким примером: при всей категоричности его заявлений по поводу итальянских притязаний в его речи нет ни малейшего указания на связь между Тунисом и Украиной, между Западом и Востоком. Тем более тяжелая ответственность ложится на французский социализм. Это ему придется взять на себя задачу раз'яснить французским рабочим и широким народным массам, что победа тоталитарного блока будет означать не только передел мира, но и неслыханное порабощение его под железной пятой международного фашизма, а следовательно и гибель демократии, социализма и всей современной культуры.

А. ЮГОВ.

„Протестовать — это еще недостаточно“!

Во всем культурном мире зверства фашизма вызвали массовое возмущение. В Соед. Штатах, в Англии, во Франции, в Швеции, в Дании, в Мексике, в Боливии, в Австрии и т. д. — ученые, писатели, руководители церквей, общественные деятели, рабочие организации на многочисленных собраниях гневно бичевали изуверов, насильников и убийц.

И граждане Советской России приняли участие в этих протестах. В Москве, в Ленинграде, Киеве, Тифлисе, Свердловске и др. городах состоялись большие «митинги советской интеллигенции», на которых единодушно были приняты резолюции негодования против кровавого ужаса.

Кампания протеста была проведена с обычными для

пор известные масштабы гигантского американского вооружения. Западно европейские демократии должны будут делать новые усилия для вооружения. Советский Союз не захочет утратить то преимущество в вооружении, которое он имел до сих пор. Фашизм и прежде всего Третий Рейх будет стараться использовать расширение сферы своего хозяйственного господства для того, чтобы обогнать усиленные вооружения не-фашистских стран. И политически, и экономически идет уже полным ходом роковой круговорот вооружения наперегонки.

Но в области экономики этот круговорот имеет особые последствия. Диспропорция между производством и потреблением, между производством средств производства и средств потребления является одною из решающих причин периодических кризисов в капитализме. В момент, когда обнаруживается невозможность продать избыточно произведенные средства производства, начинается сжатие производства, безработица, понижение заработной платы и вследствие всего этого еще большее понижение сбыта средств потребления, падение цен и все другие признаки срыва кон'юнктуры. Но что, если бы можно было находить все новые, постоянные и даже возростающие возможности сбыта для доверху загруженной промышленности средств производства, — а именно вооружение, способное занимать все возростающий сектор производственного аппарата?

Не подлежит сомнению, что выход, открытый вооружением, играет большую роль в попытках Рузвельта оживить начавшую было замирать американскую промышленность. Осенью 1937 года обнаружились — предшествуемые тяжелым биржевым крахом — тревожные трещины в здании американской и международной кон'юнктуры. Но за последние недели Соединенным Штатам удалось в значительной степени преодолеть это попятное движение, которое из Америки перекинулось было на все мировое хозяйство и вызвало в странах высокой кон'юнктуры, как Англия, серьезное ослабление ее, а в странах, еще не вполне справившихся с кризисом, как Франция, новый тяжелый упадок кон'юнктуры. Средством, при помощи которого Рузвельту удалось на этот раз снова пустить в ход хозяйственную машину, было усиление вооружений. Рузвельтовский план вооружения создает новые возможности применения для праздно лежащих капиталов. Промышленность ожидает от него новых крупных заказов. Под'ем настроения распространяется на все хозяйство, и за последние недели отмечается значительное усиление производства. Новых возможностей ожидает американское хозяйство и от скачки вооружений в Европе — косвенно, в виде поставки сырья и полуфабрикатов, или непосредственно, в виде поставки аэропланов.

Таким образом за последнее время военная промышленность становится в капиталистическом механизме орудием борьбы против кризиса: в ней находит применение тот избыток произведенных средств производства, который нельзя было бы сбыть в рамках нормального хозяйства; благодаря финансированию вооружений государством, на известный переходный период хозяйство приводится в движение; место необходимого для капиталистического накопления непрерывного расширения рынка капиталистического сбыта в не-капиталистических или не до конца капитализированных странах или в территориях сбыта, отвоевываемых у более слабых конкурентов, занимает вызываемое вооружениями расширение «внутреннего» капиталистического рынка. Сейчас английские и французские капиталисты расчитывают, что усиление вооружений, ставшее необходимым

СССР размахом и ударностью. Связь между социально-политической агрессивностью фашизма и политикой больших и малых еврейских погромов была вскрыта с такой отчетливостью, как нигде. Некоторые ораторы с большим талантом и большой убедительностью показали, что лишь ликвидация фашистского режима сделает невозможными погромы и убийства евреев.

Но тот, кто осознал, почувствовал всю бездну, весь ужас происходящего на наших глазах бедствия, не мог не увидеть в речах и резолюциях советских митингов лишь формальную условность, лишенную и живого огня негодования и действенной активности.

Насилия, совершенные над евреями в фашистской Германии вопиют к людям. Это призыв к каждому, кто не превратился в раба или зверя. Долг каждого — определить в каком он лагере: с теми кто по волчьи готов перегрызть своему собрату горло или с теми, кто хочет оборонять беззащитных и угнетенных.

Мало словесного протеста! Надо быть активным и в борьбе и в помощи!

Правительство Советского Союза, к сожалению, к великой беде трудящихся всего мира, ограничилось лишь митингами протеста, которые оно организовало для своих граждан.

Писатель Ал. Толстой в ярко написанной статье о погромах корил весь мир за словесные протесты. «Протестовать — этого еще недостаточно», — выпукло выразил он эту свою верную мысль.

Число жертв растет с каждым часом. Тысячи резолюций, протестов прозвучали уже по всему миру. А правительства культурнейших стран все еще обсуждают сколько принять евреев и где их разместить. Десятки тысяч беженцев уже превратились в сотни тысяч обреченных на высылку. А ответственные представители культурных стран все еще убеждают соседа открыть границы для физически и морально измученных жертв фашизма, упорно уклоняясь от того, чтобы сделать это раньше всего в своей стране.

Чем шире погромы, тем гневнее речи митингов. Но тем тщательнее не-фашистские страны закрывают свои границы. Трагедия современных беженцев, — евреев и не-евреев, — в том, что против них не только воскрешены все ужасы дикости и варварства, но что против них направлены все достижения современной культуры и техники. Вся сила современных государств, вся изощренная система паспортов, виз, квот, пограничных проверок, консульских инструкций — все поставлено на службу, все мобилизовано, чтобы не позволить несчастным беглецам проникнуть в другую страну оттуда, где их мучают, грабят и убивают.

Тысячи кончают самоубийством, заболевают душевно, потому что превзойден предел, после которого нельзя думать, нельзя жить. Но еще большие тысячи погибают потому, что некуда бежать. Некогда евреи ушли от своих угнетателей фараонов в пустыни. Где теперь пустыни, необжитые земли, неограждённые пулеметами и визами?

И в эти страшные дни, переживаешь мучительно не только всякую весть о новых тысячах мучеников, о новых зверствах Германии, но и всякое сообщение о том, как глухо и плотно соседи фашистских стран закрывают всякую щель, через которую можно было спастись из стран, где издеваются, истязают, распинают и грабят.

Да, конечно, фашизм порожден капитализмом! Да, конечно буржуазный мир полон лицемерия! Но какое новое общежитие с новою достойной человека моралью показало правительство СССР? Что кроме пустых слов

после Мюнхена, будет иметь своим последствием преодоление значительной заминки в кон'юнктуре, имевшей место за последние месяцы в Англии, и под'ем кон'юнктурной волны во Франции, где до сих пор его не наблюдалось.

Но на кого-же падают издержки этого вооружения? Приведенные выше цифры о развитии производства в Германии дают ответ на этот вопрос: непрерывное падение жизненного уровня германских рабочих — вот экономическая основа вооружений. Только в Гитлеровской Германии возможно применять закон, по которому, вопреки изо дня в день обостряющемуся недостатку рабочих рук, запрещается повышать заработную плату. Состоявшееся в июне расширение полномочий «рабочих старост» имело единственною и нескрываемою целью — мешать повышению заработной платы в отдельных предприятиях, которое неминуемо вызвало бы волну движения за повышение заработной платы во всем перегруженном германском хозяйстве. В номере от 19 августа «Дейтшер Фольксвирт» («Германский Экономист») заявляет с возможным лишь в Гитлеровской Германии бесстыдством:

Декрет 28 июня об определении заработной платы начинает давать на предприятиях свои первые плоды. Во всем Рейхе рабочие старосты усиливают на основании и в духе этого декрета свой надзор над определением заработной платы в предприятиях, выступая в случае необходимости с соответствующими предложениями и распоряжениями. В общем и целом дело сводится к **усиленному контролю над рабочей политикой отдельных предприятий,** имеющему задачей допускать лишь такое повышение заработка, в основе которого лежит чисто персональное усиление производительности, и мешать превращению повышенной заработной платы в средство **приманивать рабочих. Беспощадное вето** должно налагаться при этом на все попытки обходными путями дорваться до **запретных плодов...**

Государственный контроль, задачей которого, по открытому признанию оффициального органа германской хозяйственной политики, является мешать предпринимателям повышать заработную плату рабочих, — вот самое неприкрытое выражение германского «национал-социализма»!

Поставленные лицом к лицу с значительным усилением вооружений во всем мире, германские диктаторы хотят еще дальше гнать то перенапряжение, в котором и без того уже находится германское хозяйство. Не случайно поэтому, что именно после Мюнхена рационализация стала самым громким лозунгом германского хозяйства. А надо иметь в виду то чудовищное повышение производительности труда, к которому фашистская диктатура и без того уже вынудила германский народ: дневной производственный коэффициент рабочего поднялся с 94,6 в 1929 году до 117,30 в 1938 г. (1936 г. = 100). В промышленности капитальных продуктов это повышение производительности еще более велико: с 88,3 в 1929 г. оно поднялось до 114,1 в 1938 г., т. е. возрасло за несколько лет на 30,3%. Чудовищный гнет, тяготеющий над германским рабочим классом, делает невозможным серьезное сопротивление этому варварскому темпу рационализации. А отныне интенсификация и рационализация будут проводиться еще дальше!

Но как-же реагирует на все это демократический капитализм?

Необходимость непрерывного усиления вооружений непрерывно увеличивает и в «свободных» капиталистических государствах сектор публичного хозяйства.

Видимая приспособляемость хозяйства, достигаемая декретами - автоматами диктатур, рождает и в демократиях стремление к выключению или, по крайней мере, ограничению парламента и к такой-же нестесненности в

услышали еврейские беженцы из страны, свершившей великую революцию во имя освобождения человека?

Почему СССР широко не откроет двери беженцам из Германии, Австрии, Чехословакии? Ведь у него нет даже тех оправданий, которые выдвигают современные руководители политики в САСШ, Англии или Франции. Он не имеет миллионов безработных. Он не принял уже десятков тысяч беженцев, хлынувших в первые годы фашизма. И он легко может сейчас без ущерба для коренного населения принять несколько сот тысяч беженцев.

Громадная страна с необ'ятными пространствами, с ничтожной плотностью населения, с неисчерпаемыми богатствами, ждущими человеческого труда, с острым недостатком в людях всякой квалификации. Врачи, инженеры, токари, портные, наборщики, учителя и журналисты — все могли бы быть в СССР производительно использованы по своим специальностям, а при нужде переквалифицированы.

Почему советская власть, вместо привычных речей о гнилости буржуазного мира, не открыла широко границы СССР, чтобы показать великую творческую силу революции? Почему? Боязнь классово-чуждых элементов? Но девять десятых беженцев изгоняемых Гитлером принадлежат к трудовым слоям населения. И разве СССР с его 170 миллионами населения не оказался бы способен ассимилировать относительно небольшую массу беженцев? И, наконец, СССР никогда еще не сказал ни в печати, ни на конференциях о том, что он согласен впустить в свою страну хотя бы трудящихся.

На десятках конференций, на которых правительства некоторых буржуазных стран, с тысячами оговорок и в размерах совершенно непропорциональных страшной беде, все же соглашаются впустить несколько тысяч беженцев, представители СССР совсем не приняли участия. На оффициальные и оффициозные запросы полпреды СССР ответили категорическим отказом принять хотя бы одного беженца.

СССР мог принять миллионы, но не открыл двери и единицам. СССР мог бы принять всех обездоленных, всех несчастных, мукам которых нет меры, без всякой справки о их былом социальном происхождении, но он не принял никого, даже квалифицированных рабочих.

Больше того, в летописях о погромных месяцах 1938 года будет записано, что СССР в эти дни отказался впустить в свои пределы даже германских, австрийских и проч. коммунистов, расстреливаемых фашистами, преследуемых правительствами буржуазных стран.

Казалось бы, где, как не в стране Коминтерна, им искать убежища в дни, когда реакция грозит коммунистам истреблением *)?

Один из ораторов советских митингов высказал убеждение, что «в эти дни кошмарного разгула фашистских погромщиков, трудящиеся всего мира с любовью и гордостью обращают свои взоры на могучий Советский Союз».

Да, так могло бы быть! Если бы в СССР действительно строился мир, не знающий угнетения, если бы в СССР действительно победил пролетариат, то он не ответил бы измученным евреям лишь советами «покончить скорее с разлагающимся капитализмом». Если бы СССР широко открыл двери угнетенным из угнетенных,

*) Мы знаем случаи, когда советские полпреды и консула отказывают в визе на в'езд в СССР даже испытанным коммунистам, находящимся под прямой угрозой многолетней тюрьмы, несмотря на рекомендации и просьбы руководителей европейских коммунистических партий.

повышении налогов, являющемся предпосылкой скачки вооружений.

Бесправие и социальное деклассирование рабочих в фашистских странах является угрозой социально-политическим правам и экономическим свободам, отвоеванным рабочими организациями у капиталистов во всех других странах.

В об'яснительной записке к своим декретам французский министр финансов Поль Рейно исчисляет потребности французского государственного хозяйства в 1939 году в 139 миллиардов. Он констатирует, что это составляет более половины всего национального дохода Франции, который для 1939 года оценивается им максимум в 250 миллиардов. Быть может, общая сумма национального дохода исчислена слишком низко. Но не представляется-ли чудовищным для «свободного» капитализма, что около половины всего национального дохода поглощается публичным хозяйством?

Дело не в том, будто хозяйственное положение демократий неблагоприятнее или экономическая мощь их слабее: чтобы покрыть государственно-финансовые потребности Германии пришлось в 1938 году добывать займами в два с половиной раза больше, чем Франции! Но разрешение проблем, вытекающих из расширения публичного сектора в общей хозяйственной жизни, несравненно более трудно в демократии, управляемой еще поныне капиталистами, а в рамках «свободного» капитализма и вообще невозможно.

В Англии такие архи-консервативные, социально-реакционные министры, как министр внутренних дел Хор и военный министр Хор-Бэлайша, оказались инициаторами создания министерства снабжения снаряжением и продовольствием, т. е. организации военного хозяства еще в «мирное» время. Чэмберлен пока что отклонил эти планы, хотя среди его собственных министров были еще и другие сторонники их. Он сделал это не потому только, что старается избегать всего, что могло бы возбудить неудовольствие Гитлера и просветить англичан насчет истинного значения Мюнхенского «успеха», но и потому, что, будучи представителем классовых интересов капиталистов и их господства, он не затем капитулировал перед фашизмом, чтобы на следующий-же день после принесения этой тяжелой жертвы урезывать свободу британских капиталистов и таким образом, в конечном счете, подкапывать самое существование либерального капитализма.

В Великобритании, располагающей неисчерпаемыми хозяйственными резервами, вопрос встает именно в этой форме. Во Франции, хозяйственные ресурсы которой значительно слабее, та-же общая проблема, стоящая перед капитализмом, приняла другую, более заостренную форму: тут дело идет непосредственно о налоговой и хозяйственной системе. И какое-же зияющее противоречие вскрывается при этом! В то самое время, как сами капиталисты вынуждены признать обусловленное скачкою вооружений ускоренное «обобществление» всего хозяйства, — в это самое время небывалого расширения публичного хозяйства делается попытка возникающие отсюда трудности разрешить на путях традиционной «хозяйственной свободы»! Как будто гигантская программа вооружений, налоговый план, старающийся единым взмахом увеличить государственные доходы на десять миллиардов, хозяйственная программа, пытающаяся видоизменить все направление экономической политики, поворот социально - политического курса, — как будто все это само по себе уже не является чреватым большими последствиями вмешательством государства в хозяйственную жизнь!

париям из париев, то он убедительно показал бы всему миру, что там, за советской границей, действительно строится новый мир, новое человеческое общежитие. И ярче, чем все электрические звезды Кремля, сильнее, чем все речи Сталина — засверкала бы притягательная мощь страны, строющей социализм.

Но этого не случилось! Почему?

Страшная правда в том, что это не просто упущенная возможность, но новое свидетельство того, что русская революция на переломе, что сейчас власть в СССР в руках тех, кто не столько уже думает о борьбе против насилия, о защите угнетенных, сколько о том, чтобы удержать власть в своих руках, сохранить сегодняшнее неустойчивое равновесие. Советская власть боится из-за еврейских беженцев осложнить свои взаимоотношения с странами фашизма. Больше того, она боится политических настроений самих беженцев, так как печальный опыт с германскими, австрийскими и польскими эмигрантами-коммунистами (расстрелы, аресты, высылки) — показал, что режим сталинской диктатуры непереносен для всякого человека, еще не окончательно отказавшегося от независимой мысли.

Буржуазные страны тщательно отмеривают, отвешивают, дозируют свою помощь жертвам погромов. Но в СССР дозируют даже протесты, даже размах негодования. Митинги протеста были созваны в крупных городах. Два дня советские газеты помещали отчеты об этих собраниях под следующими заголовками: «Советская интеллигенция возмущена еврейскими погромами в Германии». «Советская интеллигенция выражает свое возмущение». «Негодование советской интеллигенции». Было сообщено, что в митингах приняли участие — писатели, артисты, врачи, педагоги, художники, инженеры. Ни одного слова об участии рабочих или крестьян

Даже митинг, созванный в типичном рабочем центре, в Сталино — называется «митингом интеллигенции города Сталино». По отчету «Правды» в нем приняли участие «свыше 6 тысяч научных работников, врачей, учителей, инженеров, агрономов и служащих города Сталино»... Ни одного слова о рабочих ни в одном отчете об всех митингах по всей стране. В СССР это не может быть случайно.

Во всем мире рабочие стоят в первых рядах борцов против антисемитизма, почему в СССР они остались равнодушны к разгулу кровавого насилия? Русские рабочие, некогда демонстрациями и забастовками протестовавшие против Белостокского, Кишеневского, Одесского погромов, неужели теперь они отзывчивы только к слезам и горю китайских кули и испанских горняков? Кто поверит, что только писатели, художники и архитектора почувствовали в СССР непреодолимую потребность выразить свое негодование против погромов, а промышленные рабочие приходят лишь на митинги, славословящие Сталина?

В современной России митинги не устраиваются самодеятельностью масс, они организуются властью. Диктатура решила негодование дозировать, привлечь к нему не широкие рабочие массы, более импульсивные, над которыми труднее организовать контроль, а сравнительно узкий слой советских служащих, которые за последние годы старательно вышколены и сейчас держат экзамен на «политическую зрелость». Советские служащие, среди которых решающую роль играют «служилые люди», получили директивы против кого

Таким образом усиливающейся необходимости все бо́льшего расширения сектора публичного хозяйства противостоит стремление капиталистических классов справляться традиционными и уже недействительными методами старого либерализма с трудностями, которые могут быть преодолены лишь общественно-хозяйственными, социалистическими методами.

Но именно такого рода попытки должны вести к обострению социальных противоречий и потому к крушению устаревших либеральных методов. Кто хочет ввести в хозяйство «свободную игру сил», тот должен рассчитывать на восстановление доверия капиталистов на путях восстановления капиталистической прибыли, повышения нормы эксплуатации. Но такого рода оживление капиталистического хозяйства может удасться лишь в том случае, если рабочий класс безропотно подчинится уготованной ему судьбе. Но и в этом случае методы традиционного либерализма должны оказаться уже недействительными. Кто хочет осуществить вооружение за счет рабочего класса, тот должен идти до конца, как это сделал Гитлер. Потому что рабочий класс никогда не примирится с такою степенью усиленной эксплуатации, если не будет предварительно повергнут в прах и силой террора вынужден безропотно соглашаться на понижение жизненного уровня и крайнюю интенсификацию труда.

Таким образом попытка старых капиталистических государств разрешить задачи вооружения и подготовки к войне старыми методами «свободного» либерализма, неизбежно ведет к политическим и хозяйственным мероприятиям, которые как раз и означают конец «свободного» капитализма. Вперед к общественному хозяйству, которое раньше или позже должно привести к социалистическому плановому хозяйству, — или назад, к варварским методам фашизма, силой своей тотальной диктатуры ставящего весь народ и все хозяйство на службу подготовке тотальной войны: вот альтернатива, делающаяся в эпоху «вооруженного мира» с каждым днем все более принудительной.

И этот факт еще подчеркивается отраженным социальным действием фашистского государственного рабства. Не случайно французским рабочим, сделавшим в 1936 году громадные социальные и культурные завоевания, непрерывно ставятся на вид цифры германского производства. В этом находит свое выражение факт международного сплетения судеб рабочего класса, той интернациональной связанности его, которая делает его подлинным идейным и материальным классовым интересом столь «немодную» ныне в некоторых странах международную солидарность.

Ибо тут, как и в вопросе о хозяйственно-политической системе, способной сделать возможными и усилить вооружения, выдвигается то же самое противоречие: нарастание общественно - хозяйственных, стремящихся к обобществлению производства сил, укрепление которых делается особенно важным в виду поставленных хозяйству новых задач, — или-же мобилизация всех воинственных и реакционных сил путем фашизирования политики.

Роковой вопрос: фашизм или социализм, вот уже полтора десятилетия определяющий европейскую политику, острее, чем когда либо, встает в наше время усиленных вооружений и острого предвоенного напряжения, в эпоху «вооруженного мира».

Ибо на деле нынешнее состояние капитализма в эпоху «вооруженного мира», ставшее лишь еще более ясным после Мюнхена, означает для рабочего класса, что завоевания, сделанные им в предшествующие периоды

протестовать, какой температуры дать негодование, что надо сказать и чего следует избегать. Оставить германские погромы без протеста нельзя было, но и призвать к протесту массы было опасно. Вдруг начнут следовать велениям сердца, захотят придать протестам характер действительной помощи, потребуют от власти открыть границы, ассигновать средства для поселений и т. п. «Служилые» люди получили заказ, поняли директивы с полуслова и все было организовано весьма гладко, «совсем, как в Европах».

Но хотя и все митинги прошли гладко, мы убеждены, что среди десятков тысяч, которые в них приняли участие и среди миллионов, которые о них читали, нашлись тысячи, почувствовавших все вопиющее противоречие между тем, что должна была сделать Советская Россия для помощи беженцам от погромов и тем, что она сделала.

В СССР люди боятся говорить, но думать они не разучились. Не убита в них и естественная человеческая потребность помочь обездоленным, накормить голодных, защитить избиваемых, приютить женщин и детей, в холод скрывающихся в лесах.

И, слушая ораторов, читая отчеты о собраниях, каждый в ком живет огонь человеческой солидарности должен был спросить себя: а что мы делаем, кроме резолюций, чтобы помочь в этой страшной беде? Почему наше правительство так позорно умывает руки, когда могло бы радикально ликвидировать зло? Почему, клеймя весь внесоветский мир за лицемерие, наша власть делает меньше, чем кто-либо?

Будут думать упорно. Будут спрашивать и себя о своем собственном долге, о своей пассивности, о своих гражданских и человеческих обязанностях.

Не сегодня, так завтра. Но такие думы всегда приносят благодетельные, творческие посевы.

Тяжелым разочарованием для трудящихся всего мира было то обстоятельство, что в эти страшные дни СССР оказался в стане нейтральных, что руководители политики СССР лицемерно устремили очи вдаль, чтобы не видеть молящих взоров евреев, у которых отнимали кров, хлеб и жизнь.

Впереди еще много предстоит боев. Впереди еще решающие схватки с фашизмом. Русская революция обретет вновь свою мощь, свою активность, свою творческую притягательность только в том случае, если активность и воля трудящихся страны вновь поставят СССР во главе сил, ведущих борьбу с фашизмом во имя прав всех трудящихся, во имя защиты интересов всех угнетенных, во имя социализма.

капитализма, — демократия в политической сфере, социальная политика в сфере хозяйственной — стали несовместимыми с сохранением капиталистической системы.

Теория обнищания, как следствия развития капитализма, в которую не хотели верить иллюзионисты реформизма, получает новое значение в период фашистского порабощения. Старыми капиталистическими средствами нельзя ни осуществить вооружение, требующее перестройки всех методов хозяйства, ни сохранить старый уровень культуры народных масс. Только прогрессивное обобществление хозяйства может разрешить эту задачу, — или же она будет разрешена по фашистски, брутальным подавлением рабочих. Перед этой дилеммой стоит международное рабочее движение, стоит весь цивилизованный мир, как раз в последние дни снова содрогнувшийся перед варварством фашизма. Рабочая культура, демократия и даже самая элементарная цивилизация — все это может ныне найти прибежище лишь в социалистическом строе. Более, чем когда либо на протяжении своей истории, социалистическая идея стала воплощением тяги всего человечества к культуре. Более, чем когда либо, вопрос: фашизм или социализм становится всеоб'емлющим, всеопределяющим вопросом нашего времени.

МАРК РУДОВСКИЙ.

К 20-летию Комсомола

I.

Значение молодежи в советском обществе огромно. Из года в год ростет ее роль в государстве, в народнохозяйственной жизни страны. Три-четверти инженерно-технического персонала, работающего и руководящего промышленностью, — молодежь, окончившая вузы и техникумы за последние 10 лет. В техникумах и в вузах и сейчас обучается свыше миллиона человек. Миллионы молодежи на курсах подготовки и переподготовки кадров, на рабфаках, в вечерних университетах. По свидетельству Калинина, в 1936-37 гг. в Советском Союзе всеми видами учебы было охвачено 38 миллионов человек.

Младший и средний командный состав Красной Армии в подавляющем большинстве — молодые люди, окончившие советские военные школы. Как и тысячи журналистов, десятки тысяч врачей и учителей.

В союзном Верховном Совете — 284 депутата моложе 30 лет. Сотни молодых людей заседают в республиканских Советах, руководят партийной и советской работой. Такое массовое проникновение молодежи в государственный аппарат — явление сравнительно недавнее. Года три-четыре назад началось выдвижение молодых людей на командные общественно политические посты. До того замена старых кадров советскими специалистами происходила нормально, т. е. медленно и постепенно. Тогда перед большинством молодежи дороги были открыты только на фабрики, заводы и в вузы. Молодежь не «управляла государством», она работала и училась.

II.

Комсомол моложе октябрьской революции на год. Но это, конечно, не значит, что участие молодежи в революции началось лишь осенью 1918 года. Когда собрался учредительный с'езд Комосомола, то среди делегатов его много был людей с солидным военным стажем. В первых вооруженных отрядах октябрьской революции, в красной гвардии, насчитывалось 40% молодежи. Именно потому, что в стране происходили великие революционные процессы, захватившие толщу народных масс, — все более широкие круги молодежи вовлекались в водоворот событий. Юноши рабочих окраин и фабричных поселков охотно шли в красную гвардию задолго до того, как возникла мысль о создании коммунистического союза молодежи.

Только впоследствии, когда красную гвардию преобразовали в армию, Комсомол стал играть роль политического организатора молодежи. Множились фронты гражданской войны, активнее участвовал Комсомол в жизни Красной Армии. Нередко случалось, что на дверях провинциальных райкомов вывешивался плакат: «Комитет закрыт, комсомольцы уехали на фронт».

Первые страницы истории Комсомола пропитаны порохом и кровью, пролитой молодежью на бесчисленных фронтах. Первые годы существования и деятель-

ности Комсомола и теперь еще окружены ореолом славы и героизма.

Социально политическая биография молодых людей современной России — это история самого советского строя. 20 лет существования Комсомола — не бог весть какой большой срок. Но сколько раз менялась за это время политика большевиков! И не раз новые сложные задачи вставали перед страной и, значит, перед Комсомолом. Гражданская война, нэп, пятилетка и теперешний освоительный период все это оставляло свой след на истории Комсомола.

Питомцы Комсомола — люди разного склада. В зависимости от эпохи, в которую начинались их первые жизненные шаги, они сохранили в себе разное восприятие действительности.

В стране происходила революция. Жизнь ставила все новые и новые вопросы, надо было искать все новых и новых путей. Новые пути, в свою очередь, заводили в тупики. Начинались поиски выхода. Новые политические «линии» осуществлялись другими, «новыми» средствами. Но новые этапы большевистской политики сопровождались не только заменой одних средств другими: одновременно происходили перемены и в самом «аппарате».

Из каждого такого периода большевики выходили «не теми», — теряли какие-то свои старые черты, приобретали какие-то новые. Так, тип большевика нэповского периода во многом разнится от типа большевика периода военно-коммунистического. И, напротив, коммунист периода генеральной линии психологически в чем-то схож с коммунистом «образца 18-го года». Это именно тем об'ясняется, что политическая обстановка, слагавшаяся в стране во времена генеральной линии, в чем-то воспроизводила характерные черты военно-коммунистической эпохи. Но в то же время, правда, в отдаленной степени, но какими-то определенными черточками своего характера нынешний коммунист напоминает собой и тип нэповского работника.

Четыре периода советской власти, четыре этапа ее, четыре поколения. И так как эти четыре поколения составляют большинство населения современной России, то законен вопрос: имеем-ли мы перед собой и впрямь нового человека, о котором так охотно говорит советская публицистика и которого создало новое общество? Какие новые качества, присущи «свободной земли новоселам»? Как общество относится к молодому поколению и как оно относится к обществу?

III.

20 лет это, разумеется, недостаточный срок для того, чтобы создались совершенно новые навыки, привычки и новые отношения у людей и между людьми. Общественные преобразования могут происходить — и происходят — быстрее индивидуальных преобразований. Социально - политические условия меняются, опережая сознание и чувствование масс, активно участвующих в создании новых общественных формаций. И только значительно позже материализуются идейные и духовные устремления, толкавшие массы на борьбу со старым общественным строем.

Даже в характере «сверстника Октября» можно отметить смесь нового и старого. Старое нелегко уходит из жизни. Навыки, проникшие в быт и господствовавшие в нем столетиями, не исчезают по приказу. Они еще крепко сидят в «отцах Октября» и в известной мере передаются детям. Новые отношения создаются долгим и мучительным путем.

Всякая революция начинается с того, что решительно попирает все старое. На определенный отрезок времени новым является только отрицательное отношение к «проклятому прошлому». Но замедляется разлив революционной лавы. Появляются 2-3 поколения, не принимавших непосредственного участия в первых «битвах революции». Повзрослевшие в новых условиях, они жизнью поставлены перед необходимостью создавать устойчивый быт. Тут и начинается отбор. Критическое отношение к старому, выполнявшее в разгар революции функцию чисто политическую, теряет свою остроту. Но в сложной ткани общественного организма отмирающие «культурные клеточки» не заменяются автоматически новыми. И в силу все той же жизненной необходимости, из старого быта и старой культуры берется то, что, прикрасив и почистив, можно пустить в оборот как нечто новое.

Одним из важнейших участков «культурного фронта» является школа. Здесь формируется сознание ребенка, воспитываются в нем и развиваются социальные чувства и навыки. Революция разворошила старое школьное здание, не оставив там камня на камне. И однако, большевикам недавно пришлось от безудержного «левейшего» новаторства вернуться назад к прежним дореволюционным авторитетам. Не в том, конечно, беда, что приходится использовать старые учебники! Учебники старые, но школы, д у х школы не тот, да и школьники не те. Беда в том, что плагиаты старых школьных программ называются социалистическими.

Общая же беда большевизма в том и заключается, что первым намекам на новую жизнь, первым шагам к новой жизни он выдает аттестат социалистической зрелости, социалистического строя.

Известно, что уровень культуры в России снизился. И это вполне естественно. Когда культура становится достоянием широких масс, когда происходит колоссальный процесс охвата начатками культуры миллионов людей, процесс идет в ширь за счет глубины. И если раньше культура у з к о й горной тропой поднималась все «выше и выше», то теперь она широко разлилась по всей нашей стране. Другими словами: культура в России стала более социальной.

Вредно и недопустимо выдавать то, что мы сейчас имеем, за культуру социалистическую, т. е. наиболее передовую, наиболее глубокую, наиболее совершенную.

Новая культура всегда покоится на новых отношениях человека к человеку. Она рождается из новых сложившихся общественных отношений и понятий. Она должна заключать в себе ценности, могущие конкурировать со старой культурой. В этом залог ее расцвета, это условие критического восприятия ею культурного наследства. Тысячи же и тысячи представителей новой советской интеллигенции, выходцев из рабочей и крестьянской среды, доказывают только то, что в современной России культура неизмеримо социальнее, чем она была в России царской.

IV.

Но культура это только одна сторона общественной жизни. В ней, как в зеркале, отображаются идеологические изменения. Значительно полнее и цельнее действительность выступает, когда всматриваешься в повседневный быт страны.

Задачи, которые ставят большевики перед молодежью, носят чисто хозяйственно - производственный характер. Об этом говорил и Калинин в своей пространнейшей статье, написанной к 20-летию Комсомола. «Поднятие производительности труда» — должно остаться основным содержанием всей работы Комсомола. Комсомольцы, повторяет Калинин, должны проникнуться сознанием, что труд — «дело доблести, дело славы и чести». Все остальные проблемы отступают на второй

план, и даже интернациональные задачи связываются именно с поднятием производительности труда.

Изо дня в день большевистская печать, в особенности молодежная, повторяет эти лозунги. Гражданская добродетель и советский патриотизм измеряются все той же мерой: перевыполненным планом и ударной работой. Как в процессе освоения культуры выделяются и занимают командное положение наиболее успевающие, так и в процессах производственных выдвигаются, выделяясь из массы и возвышаясь над нею, наиболее способные.

Происходит это не только в городе, но и в деревне. С появлением машин в сельском хозяйстве, с приходом культуры во многом изменился облик советской деревни. Из крестьянской молодежи выделяется, как и из городской, тонкий слой успешно овладевших новой техникой и общими знаниями.

Изменилось положение и женской молодежи, — городской и сельской. Женский труд на фабриках и заводах приобретает все большее значение. Женщины трактористки — нередкое явление в деревне. Женщины вовлекаются в «аппарат», посылаются в вузы, приобщаются к социально - политической жизни.

Довольна ли молодежь той действительностью, которая сейчас сложилась в России? Правда-ли, что порывы и стремления молодежи к яркому и героическому удовлетворяются превышением норм и отличной учебой? Есть-ли у нее другие интересы, кроме повседневных, будничных?

Сторонним наблюдателям советская молодежь представляется «американизированной». Она обладает крепкими локтями. Дух романтики, который был так свойственен первому поколению советской молодежи, окончательно из нее выветрился.

В этом портрете вряд-ли все верно. Искажены перспективы, и потому неправильно рисуется образ советской молодежи. Трудный быт, повседневная борьба, происходящая на фабриках и заводах, на колхозном поле, прививают молодежи какие-то новые свойства, которые отличают ее от предшествовавших поколений. Ее последние, самые молодые пласты, может, и впрямь слишком «деловиты». Но и в них сохраняется характерное для русской молодежи всех поколений, особое, восторженное отношение к героическому прошлому, к гражданской войне. Книги И. Островского «Как закалялась сталь» и «Рожденные бурей», книги других авторов о гражданской войне — наиболее читаемые, любимые книги советской молодежи. Серые будни молодежь не удовлетворяют, они лишены романтики. И мысль этой деловитой молодежи переносится, в поисках все той же романтики, назад, к прошлому. Но имеет-ли молодежь свое особое мнение о настоящем? Обуревают-ли ее тревога и беспокойство за будущее нашей страны? Или же вся советская молодежь политически бездумна и ко всем происходящим событиям относится безучастно?

Большевистская печать на эти важнейшие вопросы ответа не дает. Государство требует усиленной, напряженной работы, и молодежь работает. Но какие требования она пред'являет государству — неизвестно. Единственно в чем проявляются политические настроения молодежи — это патриотизм.

Но патриотизм — не постоянно действующая, самодовлеющая сила. В зависимости от политической обстановки, внутренней и внешней, патриотизм может стать прогрессивной силой, и — наоборот.

Патриотизм советской молодежи в известной мере питается и вдохновляется героическим прошлым. Но чем менее развито политическое сознание широких масс, тем легче скатываются они от патриотизма к шовинизму.

Советское общество — котел, в котором бродят разные политические тенденции и настроения, невидимые, скрытые серыми буднями и не осознанные широкими массами. Но ежедневно в мире происходят тревожные события. Земной шар сдвинулся с мирной оси, он движется к военным столкновениям. Смятение и тревога царят повсюду. Население России безмолвствует, оно пребывает в политическом обмороке. Но и его недавно всколыхнули события на Дальнем Востоке.

Пробуждается-ли настоящая политическая мысль населения? Зажжется-ли вновь революционная искра, тлеющая и сейчас в молодежи, как возгорелась она 20 лет назад? Вот те тревожные мысли, которые вызывает комсомольский юбилей.

P. S. Настоящая статья, написанная месяц назад, должна была появиться в прошлом номере нашего журнала. Однако, ноябрьские события — несомненно мирового масштаба — заставили редакцию изменить содержание номера. Тем временем в Комсомоле, вернее в руководящей верхушке его, произошли важные перемены. Пал Косарев — долголетний вожак молодежи. И как это с недавних времен повелось, пал не один: вместе с вожаками ввергнуты в политическое небытие почти все его соратники. Что час кончины Косарева близок, об этом поведал Жданов на торжественном заседании Комсомола. Речь Жданова, посвященная 20-летию союза молодежи, являлась одновременно панихидой и по Косареву, и по всему комсомольскому ЦК.

Почему пал Косарев? Нас, разумеется, не личная судьба его интересует, ни тем менее, личность его. Возможно, для многих он тем и хорош сейчас, что перешел в разряд бывших. Нас интересуют те политические причины, которые вызвали падение комсомольского сановника.

Уже прошлогодняя чистка комсомольской верхушки обнаружила кризис, который переживала — и переживает — Комсомол. Оказененные в конец организации молодежи не только не привлекают к себе новых членов, но теряют старых. Молодежь охотно поступает на курсы подготовки кадров, идет в вечерние университеты, но в комсомольские клубы не идет. Частично это об'ясняется тем, что союзы молодежи стали простым придатком к фабричным и заводским комитетам. Ничего специфически молодежного во многих организациях не осталось. Комсомольские организации живут своей «промфинплановой» жизнью, а интерес молодежи, запросы ее — шире.

В своей статье, как заметил читатель, я говорил не только и не столько о Комсомоле, сколько о советской молодежи. Комсомольский юбилей — это не только определенная дата в жизни Комсомола, но и всего молодого советского общества, тесно с ним связанного. Комсомол отображает те сдвиги, которые происходят в стране. Но, как и страна, Комсомол на распутьи.

Не Михайлов, заместивший Косарева, укажет новые пути. Оживить и пробудить политическую мысль молодежи, направить ее стремления на правильный путь, высвободить, таящиеся в ней силы — задача неотложная. Враг — у ворот Советского Союза. Военные тучи все более сгущаются. Но разрешение этой задачи — в демократизации советского режима.

ТОВАРИЩ,

ПРОЧИТАВ, ПЕРЕДАЙ ДРУГОМУ

Ф. ДАН.

Катехизис сталинизма

«Идеологическое» перевооружение советских граждан двигается вперед семимильными шагами. Немногим более года тому назад сталинская диктатура сделала «крупнейший вклад в марксистскую науку истории» в виде редактированного проф. Шестаковым «Краткого курса истории СССР». И уже приходится отмечать новое «крупнейшее событие в идейной жизни большевистской партии — выход в свет «Краткого курса истории ВКП(б)», дающего партии «новое могучее идейное оружие», а всему человечеству — «энциклопедию основных знаний в области марксизма-ленинизма», «научную историю большевизма», изложение и обобщение «гигантского опыта» (см. постановление ЦК ВКП о постановке партийной пропаганды. «Правда», 15 ноября).

При всем почтении к способности тоталитарных диктатур втискивать и в «краткие» курсы необозримые залежи премудрости, подойти к «Краткому курсу истории ВКП», как к труду **научному**, еще труднее, чем было в свое время подойти с таким критерием к «Краткому курсу истории СССР». Да о новом «кратком курсе» само цитированное постановление ЦК говорит с обезоруживающею откровенностью, что он представляет собою «оффициальное, проверенное ЦК ВКП(б) толкование основных вопросов истории ВКП(б) и марксизма-ленинизма, не допускающее никаких произвольных толкований», и что им «кладется конец произволу и неразберихе в изложении истории партии, обилию различных точек зрения и произвольных толкований важнейших вопросов партийной теории и истории партии».

Там, где декретируется «оффициальное» толкование вопросов истории и теории и строжайше воспрещается («кладется конец») противоставление этому обязательному толкованию каких-либо иных «точек зрения», там, очевидно, о **науке** говорить не приходится. Там можно говорить лишь о солдатской «словесности» или о церковном «катехизисе Филарета» старого царского времени, по самой сути своей не только не могущих иметь ничего общего с свободным научным исследованием, но ему прямо враждебных. «Ты своими словами не отвечай, лучше катехизиса не скажешь: катехизис самим святейшим синодом одобрен», — любил говаривать ученикам законоучитель одной из петербургских гимназий. Не скажешь, очевидно, и лучше «Краткого курса», самим святейшим ЦК ВКП «проверенного», да еще, как неизменно и внушительно подчеркивается, «при ближайшем участии самого товарища Сталина»! Отныне и впредь до того времени, когда последуют от товарища Сталина другие по сему предмету указания или самого товарища Сталина сменит другой, еще неведомый избранник, никакие «произвольные толкования» невозможны: к исторической науке поставлена точка, и самые комментарии к «Краткому курсу» умудренные «гигантским опытом» советские публицисты предпочитают делать не «своими» словами, а подбором в разных сочетаниях цитат все из того-же высочайше одобренного текста. Лучше катехизиса не скажешь!

Правда, сам «Краткий курс» настойчиво напоминает: «Маркистско-ленинскую теорию нельзя рассматривать, как собрание догматов, как катехизис, как символ веры... Она, как наука, не стоит и не может стоять на одном месте, — она развивается и совершенствуется... в своем развитии она не может не обогащаться новым опытом, новыми знаниями, а отдельные ее положения и выводы не могут не изменяться с течением времени, не могут не заменяться новыми выводами и положениями, соответствующими новым историческим условиям» (19-20, с. 74) *). Но на самом деле эта аппеляция к а-догматизму марксизма должна служить лишь предлогом для возведения в догму (катехизис!) всех тех «новых выводов и положений», которые заблагорассудится, вне всякой связи и даже в полном противоречии с прошлыми «выводами и положениями», но со ссылкой на «новые исторические условия» делать ЦК ВКП и «самому товарищу Сталину», более того — обоснованием их права («марксистско-ленинская теория есть не догма, а руководство к действию»!) вбивать и всю прошлую историю в колодки, требуемые их собственным сегодняшним «действием»: «а-догматизм» марксизма, как его понимает и применяет «Краткий курс» и как он его внушает всем вольным и невольным сынам сталинской церкви, есть не что иное, как признание непогрешимости папы-Сталина и его очередного цекистского конклава. Марксизм-ленинизм, как наука, «развивается и совершенствуется». Но «развивать и совершенствовать» эту науку» имеет право лишь «сам товарищ Сталин». Все, что сверх того, то — недопустимые «произвольные толкования», то — от меньшевистски-предательского, троцкистско - бандитского, бухаринско - кулацкого лукавого!

Нетрудно представить себе, во что превращается история при таком «а-догматическом» обращении с нею! «Краткий курс» состоит из двух равновеликих частей, одна из которых посвящена истории партии до захвата власти большевиками, другая — их 20-летней диктатуре. Но — солгать легче и проще, чем разоблачить и вскрыть ложь и противоставить ей подлинную картину событий. Надо было бы написать целую книгу, чтобы наглядно показать ту чудовищную фальсификацию истории социалдемократии в России, которая поистине виртуозно осуществлена в «Кратком курсе» — как прямыми извращениями фактов, так и весьма искусными умолчаниями и опущениями, превращающими и зародыши истины в грубую ложь.

Такой зародыш истины имеется, напр., в указании, что оценка роли буржуазии и крестьянства в грядущей русской революции стала в развитии революционных событий одним из весьма существенных элементов расхождения между большевизмом и меньшевизмом (17-18, с. 9). Но кто из знающих и помнящих и яростное отстаивание Лениным, в его спорах с народниками, «буржуазного» характера руской революции, и его попытку вести родословную русской социалдемократии не от героев революционного народничества и утопического социализма, а от консервативно-обуржуазенного помещика Скалдина, и его упорное нежелание пойти в аграрной программе социалдемократии дальше требования возвращения крестьянам «отрезков» ,и его «протягивание рук» либеральным «предводителям дворянства», и его призыв к социалдемократам «идти во все классы населения», и многое другое, — кто узнает подлинную, сложную, противоречивую и подчас мучи-

---

*) Здесь и дальше «Краткий курс» цитируется по перепечатке его в книгах 17-18 и 19-20 журнала «Партийное Строительство» за 1938 год.

тельную историю идейно политического формирования русской социалдемократии и ее распада на два основных течения — меньшевистское и большевистское, окруженные различными промежуточными группами, в той лубочной картине, которая делает Ленина и большевизм чуть не с их политических пеленок воителями антибуржуазного «союза пролетариата и крестьянства», а меньшевизм поборником анти-крестьянской коалиции с буржуазией? Но достигается такая фальсификация истории извращениями и умолчаниями весьма просто, и, напр., вся очень важная и характерная для развития идей Ленина эволюция его взглядов на крестьянский вопрос в России укладывается в весьма удобную для «новых исторических условий» схему: «Ленин уже тогда (1902 г.) стоял за национализацию земли, но на первом этапе борьбы он считал необходимым выдвинуть требование возвращения крестьянам «отрезков»... В дальнейшем большевики заменили требование о возвращении «отрезковъ требованием о конфискации всей помещичьей земли» (17-18, с. 20-21). Вот и все, что читатель «Краткого курса» узнает о знаменитых «отрезках»! И это еще хорошо, потому что о других отмеченных выше идеях Ленина он вообще ничего не узнает!

Еще «научнее» изложена, разумеется, история борьбы между меньшевизмом и большевизмом в российском рабочем и революционном движении и, особенно, история возникновения и борьбы различных течений «внутри» самого большевизма. Троцкий в Брест-Литовске — «предатель интересов Советской страны» (19-20, с. 9), а в гражданской и польской войне — автор «подозрительных планов» (с. 18) и «вредительских приказовъ (с. 21). Зиновьев, Каменев и Рыков — «скрытые агенты Троцкого» (17-18, с. 65). «Кулацкая душа бухаринско - рыковской группы» (19-20, с. 45)... «Выродки человеческого рода» (с. 62)... «Изверги из бухаринско троцкистской банды», проводившие свои «злодеяния... на протяжении двадцати лет» (с. 70) и т. д., и т. д. — вот образцы «исторических» об'яснений, а вместе с тем и «могучего идейного оружия», которые дает читателю Сталинский «марксизм-ленинизм, как наука»! Если-же спросить: как-же это случилось, что непрерывно предательствовавшие меньшевики в обеих революциях 1905 и 1917 года оказывались во главе Советов, а выродки человеческого рода и кулацкие души заняли всю верхушку большевистской партии, были вождями большевистской революции и гражданской войны, возглавителями и строителями советского государства? — то автор «Краткого курса» ответит без смущения: Меньшевики? Да они просто «воспользовались отсутствием Ленина, пробрались в Петербургский Совет и захватили в нем руководство» (17-18, с. 38). Троцкий? Зиновьев? Каменев? Рыков? Бухарин и прочие, имена-же их ты, Сталин, веси? Да просто в течение целых двадцати лет «партии не была ясна действительная причина» их «антипартийного поведения» и только «процесс установил недавно», что они еще с 1917 года (Брест-Литовск!) состояли «в тайном заговоре против Советского правительства» (19-20, с. 9).

Спрашивать, почему-же большевики, в свою очередь, не «воспользовались отсутствием» Мартова, чтобы «захватить руководство» в Советах — если уж не в Петербурге, то хотя бы в Закавказьи, где «в это время товарищ Сталин проводил огромную революционную работу» (17-18, с. 39), или каким-же образом большевистская партия, советская власть, коммунистическая диктатура одерживали на всех поприщах непрерывные победы и одоления над всеми противниками и супостатами, когда и во главе партии, и во главе советского государства и во главе военного, хозяйственного, политического, культурного и т. д. аппарата неизменно стояли «предатели» и «изменники» («Измена двух разложившихся большевиков, Красина и Носкова» относится еще к 1903 году! См. 17-18, с. 26), — спрашивать это, разумеется, бесполезно. Да, по правде сказать, и спрашивать некому — кроме тех, кто знает историю российской социалдемократии не из новейшей сталинской «энциклопедии». Ибо из нее читатель о положительной работе всех неугодных Сталину партий, течений, групп и лиц не узнает ровно ничего. И достигаются такие результаты до гениальности просто.

Как известно, «обезличке», давно уже заклейменной в сфере всякой практической работы, об'явлен решительный поход и на фронте идеологическом. В частности, именно «обезличка» признана основным преступлением исторической «школы Покровского», подменившей историю людей, историей общественно экономических формаций и идей и тем впавшей в «вульгарный социологизм», а разрыв с этим преступлением — главной заслугой Шестаковского «Краткого курса». И вдруг — какой с сталинской помощью поворот! — именно для «Краткого курса» партийной истории постыдная «обезличка» реабилитируется целиком и полностью. В упомянутом уже постановлении ЦК мы читаем:

> В противоположность некоторым старым учебникам, излагавшим историю ВКП(б) прежде всего **вокруг исторических лиц** и имевшим в виду воспитание кадров на лицах и их биографиях, — «Краткий курс» излагает историю партии на базе развертывания основных идей марксизма-ленинизма и имеет в виду воспитание партийных кадров, в первую очередь, **на идеях** марксизма-ленинизма.

Это отнюдь не значит, конечно, что неугодные Сталину «исторические лица» вообще не упоминаются в «Кратком курсе». Наоборот, их именами пестрит «Краткий курс» везде, где он полагает возможным — на базе» сталинского «марксизма-ленинизма» — клеймить их, как «предателей» и «изменников»: тут «обезличке» по-прежнему нет места, и в такой связи даже имя пишущего эти строки удостоилось увековечения на страницах «Краткого курса» в качестве якобы одного (вместе с Аксельродом и Потресовым) из вождей «ликвидаторства», которым «помогали Мартов, Троцкий и другие меньшевики» (17-18, с. 64). Но «обезличка» тотчас-же вступает в свои права, лишь только речь заходит об идейном-ли формировании российской социалдемократии, об организационном-ли строительстве ее, об участии-ли в массовом и революционном движении или вообще о каких-бы то ни было положительных формах политической деятельности. Правда, и здесь «обезличка» проводится не «стопроцентно». Из ее действия из'яты некоторые покойники — в особенности Ленин. Но из ее действия из'ят и один из благополучно здравствующих: нет надобности, конечно, пояснять, что речь идет о Сталине. Над всей историей российской социалдемократии и всех фазисов российской революции парит его недосягаемый гений, и только единожды неосторожно упомянуты, как работники «Октября», коекакие, поныне еще не дорезанные им, ближайшие сподвижники его *).

Таким образом парадокс реабилитации «обезлички» разрешается просто: и в «Кратком курсе» партийной

---

*) Это упоминание неосторожно, потому что никто не может предугадать, не придется-ли и нынешним сподвижникам Сталина разделить участь его прежних сподвижников — Бухарина, Рыкова, Радека, Ягоды и столь многих других. А тогда каким топором вырубить имена, записанные пером в книге, которая печатается в миллионах экземпляров и на всех языках? Ведь вот Ежов, вместе с Ворошиловым, Молотовым, Кагановичем, Ярославским и Ждановым удостоившийся упоминания (19-20. с. 4), уже вступил на путь, прямиком ведущий в политическое, а, вероятно, и физическое небытие

истории «обезличка» лишь кажущаяся: и этот курс излагает историю, если не «вокруг исторических л и ц», то вокруг исторического л и ц а. Мнимая «обезличка» служит лишь вящему закреплению «идеи», что вся партийная, революционная, советская земля вращалась, вращается и будет вращаться вокруг одной единственной, но зато гигантской и ослепительно-солнечной л и ч н о с т и. По существу обезличенный курс партийной истории и не-обезличенный общей служат одной и той-же задаче: курс истории СССР делает Сталина единственно законным наследником царей, полководцев и собирателей земли русской; курс истории партийной делает его единственно достойным соратником Ленина, а потому и единственно законным наследником всего революционного и социалистического развития.

Для доказательства этого недоказуемого тезиса пришлось с начала до конца фальсифицировать историю русской социалдемократии и русской революции. Да и этого, несомненно, окажется мало. Чтобы положить раз навсегда конец «произвольным толкованиям», надо еще до тла уничтожить не только все архивы последнего полувека — и в том числе советские архивы, но и всю документальную, мемуарную и публицистическую литературу того-же периода — и в том числе опять-таки и в советское и даже в «сталинское» время изданную литературу, которая буквально вопиет против учиняемой над историей фальсификации — не столько даже красноречивым р а с с к а з о м о делах и работе тех, кого сталинский катехизис «обезличивает» и замалчивает, сколько еще более красноречивым м о л ч а н и е м о мнимых подвигах самого Сталина, — молчанием, невольно, но неопровержимо свидетельствующим, что в истории российского социализма, российской революции и даже советской власти и большевистской диктатуры роль и с п о л ь з о в а т е л я в гораздо большей степени является действительною ролью Сталина, чем приписываемая ему «Кратким курсом» величественная роль творца и созидателя *).

Но при такой «целеустремленности» нового учебника он, разумеется, не может ничего серьезного сказать и по тому вопросу, который в наше время имеет самый жгучий интерес для всего международного рабочего движения и для освещения и разрешения которого как раз история русского большевизма могла бы дать очень много. Я говорю о проблеме социалистической партии, способной не только защищать интересы рабочего класса в мирное, «органическое» время, но и руководить широчайшими рабочими и народными массами в ходе социальной революции. «Краткий курс», конечно, много говорит о «партии нового типа, партии социальной революции, способной подготовить пролетариат к решительным схваткам с буржуазией и рганизовать победу пролетарской революции» (19-20, с. 75). На деле это проблемы «партии нового типа» авторы «Краткого курса» даже не ставят, ибо все внимание их поглощено другим: доказательством необходимости сталинского самовластия и прелести сталинского кнута. И надо им отдать справедливость: в э т о м отношении — но и только в этом! — их катехизис сталинизма представляет собою настоящий шедевр, по своей бесстыдной законченности не уступающий, пожалуй, даже гитлеровскому «Мейн Кампф»!

---

*) Приведем два примера: один из до-октябрьской истории партии, другой из дней октябрьского переворота.

Для первого раскроем «Протоколы пятого с'езда РСДРП» (май-июнь 1907 г.), изданные Институтом Маркса-Энгельса-Ленина при ЦК ВКП в 1933 году, т. е. уже при единодержавии Сталина. На этом с'езде, как известно, подводились итоги революции 1905 года и оформлялась тактика двух течений российской социалдемократии — большевистского и меньшевистского — на весь период, отделявший революцию 1905 года от революции 1917 года. И вот, на таком с'езде, на котором к тому-же большевизм впервые получил большинство, «великий вождь» **ни разу не раскрыл рта:** до такой степени ему нечего было сказать! Заглянем в приложенный к Протоколам именной указатель, и мы увидим, что самое имя его упоминается в Протоколах ровным счетом три раза: один раз в виде подписи под коллективным заявлением фракционного характера и два раза — в докладе мандатной комиссии. Дело в том, что этот великий революционер, с 1905 года шедший якобы под ручку с Лениным и уже тогда проводивший «огромную революционную работу в Закавказье», смог прибыть на с'езд лишь с столь, скажем мягко, сомнительным мандатом, что даже комиссия, на две трети состоявшая из большевиков, была вынуждена лишить его решающего голоса. «Завоеванием» сомнительного мандата активная роль Сталина в происходившем на с'езде формировании политической мысли социалдемократии и ограничилась!

Не менее характерной окажется и экскурсия в именной указатель пятого тома известного 6-томника «Революция. 1917 года», изданного Истпартом и день за днем, дающего хронику событий, политических откликов и личных выступлений за январь-декабрь. В этом томе, посвященном месяцу октябрю, имя Сталина встречается ровным счетом **один раз,** а имя «обезличенных» им Рыкова — 5 раз, Зиновьева — 6, Каменева — 10, а Троцкого — даже целых 25 раз. Как видим, подлинная история, в противоположность «Краткому курсу», «обезличивает» не столько врагов и супостатов Сталина, сколько его самого!

В. АЛЕКСАНДРОВА.

Отцы и дети

Богата была нынче жатва смерти среди писателей: П. Р о м а н о в, Н. О г н е в, А. М а л ы ш к и н, не говоря уже о величинах второстепенных, как Л о г и н о в-Л е с н я к, Г р и г о р ь е в, Ж и т к о в и др. Редеют ряды писателей, выдвинувшихся в первое десятилетие революции. Большинство умерших люди еще не старые, но умирают они как-то странно — очень тихо: так падают бесшумно, оттрепетав недолгую жизнь листья с деревьев, спаленные летним зноем. Два-три отклика группы писателей-друзей или коротенькое письмо вдовы, выражающей благодарность всем почтившим память, — вот все, чем сейчас отзывается писательская общественность на смерть своих собратьев, всего каких-нибудь 10-12 лет назад стоявших в центре ее внимания. А ведь каждый из ушедших ушел не досказав ни о себе, ни о своем времени, каждый в некотором смысле социально-психологический микрокосм, начиненный живым знанием о старой России и о молодой советской стране...

Скудость откликов, молчание критики — только отчасти может быть об'яснено общим низким уровнем культуры советского общества. Настоящая причина невнимания лежит глубже: ушедшие писатели были уже «несозвучны» новой эпохе, никому из «стан славных» не удалось поймать современность за ее искрометный хвост, никто не смог запечатлеть образа «м о л о д о г о г е р о я н а ш е г о в р е м е н и», которого так ждет сейчас оффициальная критика.

Героем дореволюционной литературы всегда был представитель молодого поколения. А ведущей фигу-

рой молодой революционной литературы очень рано стал пожилой человек. Речь идет вовсе не о какой-то случайности или преднамеренности. Это органическая особенность, присущая советской литературе в целом. Шествие пожилых героев открылось еще во время нэпа «Завистью» Олеши. Пожилой большевик Бабичев на 100 процентов выше, интереснее и значительнее, чем Володя Макаров. Миша Кольче у Левина («Юноша») — щенок и фанфарон по сравнению со своим дядюшкой Александром Праскухиным, старик Шор у Эренбурга и сложнее, и человечнее, чем ударник Колька Ржанов. И знаменательнее всего то, что преферанс старикам отдают вовсе не старые писатели: достаточно перебрать стариковскую серию героев Леонова, начиная с первой пятилетки (фигуры Скутаревского, Курилова, Маккавеева), вспомнить Малько Афиногенова, Платона Кречета Корнейчука вплоть до седовласого «Депутата Балтики».

«Безусым энтузиастам» ничего не оставалось как в течении лет с грустной завистью смотреть вслед дежурному старику, беспомощно лепеча: А где-же мы? Когда-же о нас? Так создался еще один советский парадокс: генеральная линия широко распахнула ворота перед молодежью, она подвизалась на всех фронтах пятилетки, ее ежедневно превозносила на своих столбцах печать, а проверка общественных и моральных качеств творчеством писателей неизменно давала отрицательный результат. В лучшем случае герой из молодежи походил на то место географической карты, где бледным пунктиром набросан рельеф Заполярья — обширное, но неизученное пространство (Павленко «На Востоке», Горбатов «Мое поколение» и др.).

Наблюдателю советской жизни по литературе оставалось лишь сделать вывод: советская молодежь живет на идейных и моральных харчах у «стариков». Хотя вывод этот напрашивался сам собой, он все-же неправилен. В засильи «стариков» нашел свое выражение очень сложный общественный комплекс, в котором причудливо переплетается несколько явлений.

В результате большой революции культурный максимум понизился при громадном увеличении количества людей, втянутых в круг культурной жизни. Отдельные представители дореволюционной интеллигенции в моральном и общественном отношении были, конечно, выше советских образцов. Но не это является решающим в трактовке старшего поколения советскими писателями. Каждое молодое общество создает свои нормы общественной этики. Но оно создает их при наличии одного предварительного условия — оно само должно быть уверено в своей непреложной данности. В засильи и идеализации пожилых людей в советской литературе на самом деле своеобразно отражается лишь незавершенность революции, вернее, слабость сил, нужных для ее завершения.

В художественной литературе, выполняющей роль Ариадны в таинственных и запутанных ходах и переходах обширного советского здания, интересно отметить сейчас начало нового и знаменательного этапа. «Старики» не только физически сходят со сцены, все старшее поколение исподволь, но планомерно оттесняется в резерв. «Слово» взяли, наконец, молодые.

На этот раз писательская молодежь не вломилась в литературу крикливой толпой во всеоружии безапелляционных мандатов «от эпохи», как это было в начале первой пятилетки, она входит в литературу робко, переминаясь с ноги на ногу, на лбу у многих залегли ранние морщинки, они пришли из разных концов, не сговариваясь, но при всем различии их тем, есть несколько черт, по которым узнаешь и их молодость и общность их настроений.

Героиня повести О. Неклюдовой («Гадкий утенок») молоденькая учительница Женя с бьющимся сердцем подходит к школе, в которой она получила место учительницы. Робость ее только отчасти об'ясняется молодостью; мало прожито, да много пережито. Хотя она только что кончила педагогический институт, она уже успела побывать замужем, похоронить ребенка и разойтись с мужем. Обо всем этом автор упоминает вскользь, как и о годах Жениной учебы. С жаром бросается Женя на работу. Она накопила кой-какой багаж: она знает, что писал «об эллинском искусстве Маркс и может ответить на все вопросы литературной викторины», но вот сколько «н» надо писать в слове «жареная рыба» — для нее неразрешимая проблема. А она еще далеко не самая неподготовленная преподавательница, она «довольно бойко отличает подлежащее от сказуемого» и ей не надо, как другой учительнице чуть не каждый день звонить соседке и «взволнованным голосом» спрашивать ее о том, что такое подлежащее. Ребятишки высоко оценят Женю и даже хвастливо говорят, что она «у нас мировая учительница». Испытательная комиссия, однако, отказала ей в звании народной учительницы — доканала-таки Женю отечественная грамматика! После тяжелой внутренней борьбы Женя решает все-таки не бросать своей профессии, а втихомолку догрызть гранит науки. Думается, что пороху у нее все-же не хватит. Недаром на последней странице вдруг возникает силуэт учителя в глуши, с тихим палисадником, старой мамой. Он любит и знает свое дело, трудолюбив, скромен и молчалив, около такого хорошо выплакать все свои горести, посидеть за мурлыкающим самоваром, послушать слова пионерской песенки, долетающей в окно: «по дорожкам знакомым, за любимым наркомом»...

Сложнее схлестались судьбы героев романа Л. Соловьева «Высокое давление». Клавдия — квалифицированный токарь, но в прошлом у нее — принудительные работы за беспризорничество и воровство. Упорным трудом, к сожалению не показанным, ей удается смыть судимость из паспорта, о ней известно только органам Наркомвнудела; формально Клавдия теперь полноправный советский гражданин. Но однажды, когда отбыв работы на канале, она рассказала ребятам в техникуме о своем прошлом, те стали запирать от нее свои сундуки в общежитии. Клавдия любит помощника машиниста Мишу Озерова. После истории в техникуме она боится открыть ему свое прошлое, боится его потерять, медлит со сближением. Он истолковывает это превратно. Возникает затяжной конфликт.

А что сказать о Мише? Парень он серенький, самолюбивый, профессии своей совсем не любит, мечтает написать сценарий, чтобы сразу прогреметь. Не тут-то было: сценарий забракован, с Клавдией он сам порвал, да еще нагрубил своему начальнику Вальде, а тот решил его проучить. Мише грозит увольнение. Только вмешательство старого его учителя, мастера, замолвившего за него словечко перед Вальде, спасает Мишу от неминуемой гибели и все кончается, хоть и неубедительно, но ко всеобщему удовольствию.

Молодежь первой пятилетки всегда изображалась в процессе коллективной борьбы на производстве. Большинство новейших писателей — и это характерно — не только подчеркивают право личности бороться за свое счастье, но даже поощряют на эту борьбу.

Героя романа Ю. Крымова («Танкер Дербент»), молодого талантливого механика Басова затирает начальство: все-то он суетится, рационализирует, выдумывает; выйдет-ли что-нибудь из его проектов это ба-

бушка на-двое сказала, а хлопот от него не оберешься. Вот его и сплавляют на нефтеналивной танкер «Дербент». Здесь та-же картина: Басова не любит начальство, оно состоит либо из старых шляп, либо из «контры». Но больше всего угнетает Басова то, что от него ушла жена Муся. До разрыва она часто говорила ему: «Сашенька, брось ты это! Разве нельзя работать, как все? не оригинальничая, не создавая шумихи... ты восстановишь против себя авторитетных людей и они отплатят тебе, будь спокоен. Зачем ты вредишь себе, Саша?» Она оказывается права. Но Басов не сдается и благодаря ему «Дербент» выходит из прорыва. Больше всего Басова радует, однако, не успех, а то, что к нему вернулась Муся, признавшись, что ее в нем испугало то, что он «такой особенный... один против всех со своими затеями, какой-то мечтатель, прожектер». «Знаешь, — говорит она ему, — есть люди, от которых за версту пахнет неудачником», а она «средний, ограниченный человек», не в моготу ей жить с «героем», обреченным на жизнь «в пустоте».

Проповедь борьбы, которая так явственно доносится из новейших произведений, можно было бы приветствовать, если бы это не была борьба во имя личного успеха как основной цели. В руках иного, неуклюжего писателя эта цель из маленького сучка, стыдливо припрятанного где-нибудь в конце, превращается в целое бревно. Иллюстрацией такового бревна может служить роман Глеба Алехина — «Неуч». Это — автобиография и первенец писателя. Действие романа происходит в Ленинграде в 1933-36 гг. Не в пример остальной писательской молодежи, Алехин вошел в литературу, поигрывая кулаками и выразительно намекая на свои таинственные связи. С точки зрения художественной — произведение это дополняет художественную продукцию капитана Лебядкина Достоевского. Но помещение его на видном месте Ленинградского журнала «Звезда» — симптоматично.

Герой романа, он же автор — молодой рабочий, выходец из деревни; он немножко гримируется под легендарного Кожемяку, рисуя себя верзилой с неуемной силищей в руках и столь же неуемным аппетитом к жизни и знаниям. Его не приняли в вечернюю школу, так как он умудрился в прошении о поступлении сделать чуть не 20 ошибок. Он затаил обиду и решил отомстить всем, всем, всем. Он, «неуч», покупает себе все 30 томов Ленина и решает их одолеть. Читая том за томом как пономарь, он делится о прочитанном своими впечатлениями. Ленин чудесно подтверждает то, что он смутно чувствует — жизнь движется борьбой. Вот это — да! Итак, за дело! За два года он успевает не только одолеть Ленина, но дважды жениться, стать стахановцем и даже быть делегатом на знаменитом совещании стахановцев в Кремле, где он лицезреет «самого мудрого ученика и полководца», успевает ознакомиться с памятниками литературы Запада и даже взять приз... по танцам. Все его конкурренты посрамлены. Увы, радость читателей значительно отравлена подозрением, что всеми своими успехами Алехин не столько обязан настоящему труду, сколько тому, что является любимчиком «старого чекиста» — секретаря парткома, таинственного и вездесущего «дяди Миши», которому автор помогает разоблачить на заводе целое «троцкисткое гнездо», возглавлявшееся самим директором. Роман кончается в высшей степени оптимистически: автор благополучно добрался до 29-го тома Ленина, он зачислен студентом на философское отделение университета, из больницы звонят, что у него родился сын, приятель рассказывает, что критик, забраковавший его роман, «оказался троцкистом и выброшен на помойку», и в довершение всего звонит «дядя Миша», сообщая, что таинственные значки в томике Ленина, о которых донес ему Алехин (он изучал Ленина вместе с одним инженером завода), оказались троцкистским шифром. Тут уже Алехин не выдержал: «от радости заплясал».

Рамки статьи не позволяют остановиться на обширной продукции молодых на темы гражданской войны («Ярославль» Н. Чуковского), из жизни летчиков («Зрелость» М. Юфит), спортсмэнов («Боксеры» П. Капица) и пограничников. На этих вещах придется остановиться отдельно.

Критиковать новейшие произведения легко. В художественном отношении они малоценны, но это не лишает их значения свидетельских показаний. Искренно привязанные к своим молодым людям, убежденные в том, что их «герои — лучшие люди нашей эпохи — писатели передают атмосферу, в которой живет сейчас советское общество. Трудна жизнь в третьей пятилетке. Жизнь — джунгли, надо смотреть в оба, а то останешься за бортом. Обще всем новейшим произведениям чувство своего одиночества. Авторы еще расшаркиваются перед «Октябрем», но этот Октябрь не является больше частицей их личной жизни, они идейно беспризорные и как все беспризорные с тем большей энергией поглощены своей личной жизнью. Чтобы выйти в люди нужна упорная, порой очень некрасивая борьба. Ничего — ободряет оффициальная критика — не в пустыне живем! Аппелируйте к личной инициативе, к личной предприимчивости и изобретательности молодежи — сим победиши!

И. ГРЕКОВ.

Суровый приговор

20 лет каторжных работ — таков эпилог драмы, начавшейся 22 сентября прошлого года похищением генерала Миллера, главы Российского Обще-Воинского Союза (РОВС), и закончившейся 14 декабря нынешнего приговором сенского суда присяжных, покаравшим певицу Плевицкую, жену одного из предполагаемых главных участников преступления — генерала Скоблина.

Похищение генерала Миллера — один из актов государственного бандитизма, полное раскрытие которых крайне трудно, а зачастую и совершенно невозможно. В отличие от бандитизма просто уголовного, бандитизм государственный, практикуемый разведками и контрразведками тоталитарных диктатур, располагает для совершения и сокрытия своих преступлений всею денежною, организационною и техническою мощью современных государств, с одной стороны, дипломатическою неприкосновенностью лиц, зданий, почтовых вализ, перевозочных средств и т. д., с другой, орудиями террористического давления («заложничество» всех видов) даже на пойманных с поличным и предстающих перед судом выполнителей и участников организуемых им пре-

ступлений, с третьей. Для борьбы с таким бандитизмом полиция и юстиция демократических государств, связанные даже по отношению к заведомым гангстерам известными правовыми и судебными нормами, вооружены относительно весьма плохо. Лишь крайне редко удается им поэтому наложить руки на видных участников преступления, как то удалось в деле об убийстве Рейсса. Но почти никогда в их сети не попадают непосредственные выполнители преступления, не говоря уже о тех истинных вдохновителях и организаторах, которые сидят в разных «тоталитарных» столицах.

Понятно, почему в такого рода государственно-бандитских делах полиции и суду почти никогда не удается получить в свои руки «доказательств», которые позволили бы юридически неопровержимо изобличить «тоталитарных» авторов преступления, как бы неопровержима политически ни была их виновность, — почему и самая борьба против государственного гангстерства должна вестись, прежде всего, в плане политическом. Но не только для суждения об истинных вдохновителях преступлений такого рода, — и для суждения о степени вины тех второстепенных участников их, которые обычно только и попадают в руки полиции, суд почти всегда будет располагать не столько прямыми доказательствами, сколько лишь косвенными и потому допускающими пере- и криво-толкования уликами: привилегированный по сравнению с уголовным бандитизмом в совершении и сокрытии преступлений, государственный бандитизм сохраняет свои привилегии и на скамье подсудимых.

Все сказанное выше относится и к такому крупному акту государственного бандитизма, каким было похищение генерала Миллера. Рассуждая политически, приходишь к прочному убеждению, что это гнусное преступление было делом того-же ГПУ, агенты которого за 18 дней до того убили в Лозанне Игнатия Рейсса. Но точных, материальных, вещественных «доказательств» этому убеждению нет, ибо, даже если пресловутая «дипломатическая» камионетка и прибыла в Гавр не через 2, а через 4 часа после похищения Миллера, то все-же никак нельзя «доказать», что в сундуке, погруженном из нее на «Марию Ульянову», действительно находился труп генерала. Все, что по этому делу известно, это — лишь основанные на косвенных уликах «догадки», оставляющие место другим — добросовестным или недобросовестным — догадкам, что похищение Миллера было таким-же актом Гестапо, Овры или французских фашистов для «отвлечения внимания» в сторону большевиков, каким несомненно был, напр., случившийся незадолго до того взрыв помещений двух центральных предпринимательских организаций в окрестностях площади Этуаль.

То, что относится к самому акту, то еще в большей мере относится к тому единственному из многих причастных к этому преступлению лиц, которое очутилось на скамье подсудимых: и относительно роли Плевицкой имелись в распоряжении суда лишь косвенные улики, оценка которых в весьма большой степени зависит от политического подхода к ним. И потому даже у тех, кто твердо убежден, что Плевицкая была активной соучастницей преступления, а отнюдь не той наивной, слепо-любящей и верной женой, ничего не знающей о преступлении мужа или, в худшем случае, самоотверженно прикрывающей мужа и помогающей его спасению, какой сама Плевицкая старалась изображать себя, — даже у них необычно суровый приговор вызвал тягостное ощущение, что с чисто судебной точки зрения совершена какая-то несправедливость; что одинокая, всеми покинутая женщина отвечает перед судом не только и даже не столько за себя, сколько за тех других, которым надлежало бы занять центральные места на скамье подсудимых, но которых посадить на нее не удалось; что обрушившийся на Плевицкую приговор так жесток не потому, что неопровержимо доказана великость ее вины, а потому, что, рассматриваемые через определенную политическую призму, и самые легкие улики против нее приобретали характер «неопровержимости».

Через какую-же политическую призму смотрели на дело Плевицкой присяжные заседатели, когда выносили свой приговор? Ответом на этот вопрос определяется политическое значение приговора, а от политической оценки его так же мало можно отказаться, как от политической оценки всего дела.

Суровость приговора может об'ясняться желанием присяжных заседателей подчеркнуть необходимость самой решительной и беспощадной борьбы с государственным бандитизмом, кто бы ни оказался его виновником — Гестапо, Овра или ГПУ. Такую борьбу следовало бы, с нашей точки зрения, всячески приветствовать и ей всячески содействовать, и в этом случае осталось бы лишь по человечеству пожалеть, что молот приговора ударил не по коню, а по оглобле, что он разбил в дребезги жизнь женщины, бывшей, в худшем случае, лишь соучастницей и пособницей преступления, но не затронул тот аппарат, агентом которого эта женщина была.

Но может быть и другое политическое толкование приговора, как выражения не столько протеста присяжных заседателей против государственного бандитизма, сколько враждебного отношения их к «Советам», к большевизму. Такое толкование ему дает «Популэр», орган наших французских товарищей. Но такое-же толкование старается дать и использовать в своих целях реакционная французская печать и, в особенности, печать нашей доморощенной эмигрантской черной сотни, которая, славословя бандитизм фашизма и национал-социализма не может, конечно, искренне возмущаться бандитизмом сталинским.

Длинная вереница свидетелей из этой среды, прошедших перед судом, вскрыла картину глубочайшего морального и политического разложения и падения, которая ничего еще, разумеется не говорит о морально-политическом состоянии массы, пришедшей в эмиграцию под «белым» знаменем, но здесь втянутой в трудовую жизнь и духовно возродившейся, но которая делает понятным, почему руководящие круги этого стана являются резервуаром, из которого все разведки мира, а, в особенности, разведки государств, готовящихся к походу на их «дорогое отечество», могут полными пригоршнями черпать своих агентов.

Вот эти-то круги стараются ныне во-всю «использовать» тот специфический «антибольшевизм», который они усмотрели в приговоре присяжных заседателей и который в нынешних обстоятельства, когда ведется такой открытый натиск на франко-советский пакт, и в самом деле имеет вполне определенный смысл, одинаково роковой как для дела мира, так и для дела демократии и социализма. Одного такого «использования» достаточно, чтбы понять, почему мы, вместе с нашими французскими товарищами, сочли бы крайне опасным симптомом, если бы политический смысл сурового приговора и впрямь заключался не в протесте против государственного бандитизма, а в выявлении тех настроений определенной среды французского общества, которые так охотно и так удобно прикрываются флагом беспримесного «анти-большевизма».

В РАБОЧЕМ СОЦ. ИНТЕРНАЦИОНАЛЕ

СОВМЕСТНОЕ ЗАСЕДАНИЕ БЮРО РСИ И МФПС.

Под председательством Л. Де-Брукэра состоялось 25 ноября в Париже совместное заседание Бюро РСИ и Правления Международной Федерации Профессиональных Союзов.

Главным предметом совещания была

Помощь Испании.

В основу дискуссии легла резолюция, выработанная МФПС. После тщательного обсуждения было решено организовать посылку международных делегаций к правительствам и настойчиво добиваться от них выполнения следующих требований:

«Общественное мнение всех народов, сохранивших еще свободу, должно с величайшей энергией протестовать против всяких попыток навязать испанскому народу что бы то ни было насилием извне.

«Никакого подчинения воле фашистских держав!

«Никакого разрешения испанского конфликта помимо и против испанского народа!

«Никакого предоставления прав воюющей стороны генералу Франко!

«Напротив: восстановление международного права для испанской республики и ликвидация так называемой политики невмешательства!

«Увод из Испании итальянских и германских специалистов техники и так называемых добровольцев. Необходимо сверх того принять срочно меры для действительного обеспечения снабжения гражданского населения Испании продовольствием.

«Испанский народ героически и победоносно сопротивляется лучше вооруженным и снабженным силам фашизма; нельзя допустить, чтобы он был обречен на поражение в результате голода».

Оба Интернационала единогласно постановили далее:

1) Недопустимо искать какого-бы то ни было выхода из испанской войны без опроса испанского народа, представителем которого является законное правительство республики.

2) Выхода следует искать только в рамках попираемого ныне международного права, по удалении из Испании всех иностранных войск, их технического персонала и военного материала, обращающего ныне Испанию в развалины.

Столь же единодушно было решено всеми силами поддерживать организованную Лигою Наций кампанию помощи беженцам из областей, занятых Франко, скопившимся ныне в числе от двух с половиною до трех миллионов на территории Испанской республики. Должны быть приняты все меры для абсолютной безопасности судов, подвозящих продовольствие. Одновременно все примыкающие к обоим Интернационалам организации призываются к самому энергичному развертыванию своей собственной агитационной кампании и использованию своих собственных средств для достижения этой цели и деятельной поддержки испанского правительства.

Кампания в защиту мира

была вторым предметом обсуждения. Резолюцией от 10 ноября Совет МФПС поручил Правлению МФПС выработать, в виде краткой платформы, совместно с РСИ единую позицию в вопросах международной политики. В качестве основы для дискуссии секретарь МФПС предложил проект такой платформы, приуроченный к созыву Международной мирной конференции. Было решено, что оба Бюро обсудят предварительно это предложение отдельно. В дальнейшем будет созвано новое совместное заседание обоих Интернационалов.

Протест против преследования евреев в Германии.

Был принят следующий текст:

«Собравшиеся 25 ноября в Париже Бюро МФПС и РСИ с негодованием протестуют против отвратительного преследования евреев в гитлеровской Германии, принявшего за последнее время размеры, бьющие в лицо всем понятиям о человеческом достоинстве.

«Оба Интернационала призывают всех свободных людей клеймить это преступление и мобилизовать общественное мнение, которое способно было бы своею мощью заставить истязателей отказаться от их планов.

«Они призывают все свободные правительства взять на себя необходимую инициативу, чтобы на путях международного соглашения обеспечить жертвам возможность в'езда в свободные страны и создать условия, при которых они могли бы построить себе новую жизнь, счастливую для них самих и полезную для всего общества».

Выражение сочувствия французской СЖТ.

Сочувствие и солидарность обоих Интернационалов с французским рабочим классом в его борьбе против социальной реакции были выражены в следующем постановлении:

«Собравшиеся 25 ноября в Париже Бюро МФПС и РСИ выражают чувства своей полной симпатии и солидарности французской СЖТ, как раз теперь начинающей, в защиту французского рабочего класса, борьбу гигантского размаха и колосального социального значения».

ЗАСЕДАНИЕ БЮРО РСИ.

26 ноября сотоялось в Париже длительное заседание Бюро РСИ, на котором был заслушан доклад Фридриха Адлера о положении социалистических партий в Чехословакии и был намечен порядок дня ближайшей сессии Исполкома, которую предполагается созвать в середине января.

На заседании Бюро, как и на совместном заседании с МФПС наша партия была представлена тов. Абрамовичем.

В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ ИНТЕРНАЦИОНАЛЕ МОЛОДЕЖИ.

Исполком СИМ, заседавший в Париже 3-5 дек. с. г., принял обширную резолюцию о международном положении, которую мы приводим с небольшими сокращениями.

Выразив солидарность с решениями Исполкома РСИ от 19-го окт. с. г. резолюция переходит к Чехословакии: «Тысячи мужчин и женщин в Чехословацкой республике, в надежде на солидарность европейских демократических государств, защищавшие дело демократии и свободы против во много раз более сильного противника, находятся ныне в нужде и беде на положении чужаков (Heimatlose) в собственной стране. Чехословацкая демократия пала жертвой мюнхенского ультиматума (Diktat)....»

«Считаясь с тем, что через несколько недель после мюнхенского соглашения немецкая и итальянская диктатуры уже пред'являют новые требования то по вопросу о колониях, то по отношению к Испании, Исполком СИМ приветствует призыв РСИ к собиранию демократических сил. Он ждет от социалистического рабочего движения и от правительств демократических стран самых энергичных действий к недопущению разрешения испанской проблемы посредством второго «мюнхенского соглашения». Испанский вопрос должен быть разрешен самим испанским народом. Исполком СИМ требует поэтому такого же безусловного и полного удаления иностранцев из армии Франко, какое уже проведено республиканским правительством. Он требует признания, со всеми вытекающими отсюда практическими выводами, полного суверенитета республиканского правительства Испании».

«Исполком СИМ горячо протестует против варварской бомбардировки незащищенных городов и требует от правительств энергичных и всеоб'емлющих мероприятий к спасению гражданского населения страны от голода и холода». Резолюция призывает социалистическую молодежь продолжать оказывать помощь республиканской Испании, защищающей дело всей европейской демократии. «В связи с серьезным внутриполитическим положением во Франции Исполком СИМ шлет сердечный привет французской социалистической молодежи и рабочему классу. Он разделяет их убеждение, что Франция только в том случае исполнит свою миссию в борьбе за свободу и мир в Европе, если она останется страной свободы, демократии а также и страной социального прогресса, какой она стала под руководством правительства Блюма».

«Исполком СИМ'а непоколебим в убеждении, что только цели и методы демократического социализма могут обеспечить народам длительный мир и благосостояние. Он не закрывает глаза на тяжелое поражение, которое европейские демократии потерпели в мюнхенские дни. Результаты политики шантажа, проводимой Германией в области внешней политики и беспримерные варварские еврейские погромы, учиненные гитлеровским режимом в последние дни, являются трагическим доказательством того, что фашизм не ведет народы к свободе, а толкает их в пропасть варварства...»

«Фашизм есть и остается колоссом на глиняных ногах, ибо его власть покоится только на терроре и насилии, на страхе и раболепстве. Мы, социалисты, противопоставляем фашизму наше содружество свободных народов и свободных людей, желающих построить социалистическое общество на основах мира и свободы. Мы — движение будущего. В нашей исторической борьбе против сил реакции мы можем проигрывать отдельные сражения, но конечная победа останется за нами».

В голосовании этой резолюции, принятой единогласно, не участвовала французская делегация, стоявшая на почве положительного отношения к мюнхенскому соглашению, как «спасшему мир», и потому не считавшая возможным солидаризоваться с резолюцией октябрьской сессии Исполкома РСИ — резолюцией, за которую делегация французской партии в РСИ не только единодушно голосовала, но самый текст которой был составлен французскими товарищами.

Исполком постановил созвать 6-й конгресс СИМ'а в августе 1939 года.

КОНЕЦ УКРАИНСКОЙ СОЦИАЛДЕМОКРАТИИ.

Заграничная Делегация Украинской Социалдемократической Рабочей Партии переслала секретариату РСИ нижеследующую выдержку из резолюции, принятой 5 ноября в Праге конференцией заграничных организаций УСДРП:

«...Руководящие органы УСДРП всегда поддерживали постоянные сношения с членами партии на Украине. К сожалению, организованная политическая жизнь на Украине, особенно в течение последних, наиболее тяжелых лет, была разрушена большевистским террором, вследствие чего были чрезвычайно затруднены и какие бы то ни было сношения с Украиной.

«Заграничная конференция УСДРП, заседавшая 5 ноября 1938 г., обсудив внутреннее положение на Украине и международную ситуацию, пришла к заключению, что нормальная политическая жизнь на Украине сможет быть востановлена лишь в том случае, если украинский народ освободится от иноземного господства и оснует свое собственное независимое государство. Конференция проникнута убеждением, что борьба украинского народа за свободу и независимость не может быть успешной без наличия массовых политических организаций.

«Поэтому, принимая во внимание крупные изменения, происшедшие за последние 20 лет во внутренних условиях Украины, конференция ставит себе задачей основание политической партии, которая могла бы охватить широчайшие слои украинского народа — рабочих, крестьян и интеллигенцию. Чтобы иметь возможность начать без промедления подготовительную работу для достижения этой великой цели, конференция постановляет **распустить заграничные организации УСДРП**, ибо она полагает, что надо заранее устранить идеологические и организационные препятствия для будущего собирания трудящихся людей под знаменем свободы и социалистической справедливости. Одновременно конференция распускает Заграничную Делегацию УСДРП и **отзывает представителей партии из Рабочего Социалистического Интернационала».**

«Международная ситуация», о которой говорит напечатанная выше резолюция, характеризуется, как известно, открытой подготовкой гитлеровского похода на Украину. В такой ситуации смысл «освобождения» украинского народа от «иноземного господства» и характер грядущего украинского «независимого государства» не может быть тайной ни для кого, даже для тех, кто давно вписал в свою программу борьбу за государственную независимость Украины: пример Чехословакии и, еще уже, Карпатской Руси, ныне об'явленной частью будущей «независимой» Украины, у всех перед глазами. Не может быть поэтому ни малейшего сомнения и насчет истинного политического смысла акта, предпринятого бывшими украинскими социалдемократами: они ренегатски отрекаются от социализма во имя национализма, и притом национализма в его единственно «реалистической» в данных международных условиях — **гитлеровской ипостаси.** Уходя из Социалистического Интернационала, в деятельности которого они, по правде сказать, уже давным давно никакого участия не принимали, они направляются прямиком в тот же гитлеровский обоз, в котором давно уже пристроились все Солоневичи, Туркулы и прочие черно- и бело-гвардейские «иноземцы». Можно быть уверенным, что подлинные трудящиеся массы Украины за ними в эту клоаку не последуют...

Н. Б.

Германия после Мюнхена

После Мюнхенского соглашения экспансия гитлеровского империализма начала ставить себе новые цели и вести борьбу за их осуществление такими темпами, которые могли ошарашить даже самых беспощадных критиков иллюзорного мюнхенского мира. С одной стороны, более острый характер, чем когда-либо, приняла пропаганда в пользу колониальных требований, приведшая уже через несколько недель после чэмберленовско-гитлеровской мирной декларации к обострению германско-английских отношений, которое нашло уже выражение не только в оффициальных речах и в печати, но и в новых актах вооружения на обеих сторонах. С другой-же стороны, с завершением превращения Чехословакии в полуколонию фашистской Германии и закреплением германского протектората над Карпатскою Русью, германская юго-восточная экспансия внезапно повернула круто на восток и усилением активности в Литве и Данциге, с одной стороны, открытой поддержкой западно-украинского автономистского движения, с другой, зажала в клещи Польшу. За концентрированным натиском на Польшу и мерами для обеспечения нейтралитета западных держав в случае открытого наступления вырисовывается уже во образе великоукраинских планов линия нападения на Советский Союз. Но удивительно, что не только у заграничных путешественников, до того дружественно расположенных к национал-социалистам, как у южно-африканского министра обороны Пирова, но и у массы германского народа складывается убеждение, что военная опасность, если и отсрочена, то, быть может, лишь на несколько месяцев.

Из отсутствия внешнего успокоения вытекает и ему соответствует и непрерывное внутреннее беспокойство. В ходе европейского кризиса, предшествовавщего мюнхенскому соглашению, с необычайною резкостью выявилось, до какой степени лишен режим тотальной пропаганды каких-бы то ни было моральных рессурсов. Хотя значительная часть германского народа верила оффициальной демагогической лжи об угнетении судетско-немецких братьев чехами, у огромного большинства не замечалось и следов воинственного одушевления или хотя бы сознания патриотического долга. Чем острее становилась ситуация, тем более стал в поведении населения преобладать над всеми другими мотивами мотив страха перед войною, особенно войною против более сильной коалиции, — страха, заглушавшего даже страх перед самим режимом. Репрессии оказались бессильными помешать громкому высказыванию критики по адресу режима, недовольства военной политикой, а часто убеждения в неизбежности поражения. В лавках, автобусах и трамваях, а за последние дни даже на улицах у газетных киосков то и дело затевались политические разговоры, в которых впервые после долгого времени можно было слышать выражение мнений, отличных от фабрикуемых сверху. Настроение это, доходившее до открытого слушания передач заграничных радиостанций на немецком языке, а в Австрии даже до уличных демонстраций, перекинулось и на войска, молча, угрюмо и без всякого воодушевления начавшие двигаться в поход, а иногда дававшие и населению понять свои истинные чувства отшвыриванием цветов, которыми их забрасывали.

Режим не мог уже питать никакого заблуждения насчет неуспеха развитой им воинственной пропаганды, как и насчет пропасти, явно зияющей между ним и народом. А едва только упоение миром (об упоении победой говорить не приходится, так как народ с громад-

ным облегчением приветствовал сохранение мира, но совершенно безучастно отнесся к воссоединению «судетско-немецких страдальцев») дало кое-какие шансы для засыпания этой пропасти, режим начал концентрированную аттаку на предполагаемых виновников неуспеха, на «внутренних врагов». Еще в период вступления германских войск в Чехословакию нападение на резиденцию кардинала Иннитцера дало сигнал к новому развернутому наступлению на католиков. Демонстративное проведение давно подготовленных террористических процессов против оппозиционеров всякого рода, от монархистов до революционных социалистов, начал становиться все более частым явлением. Произведенные в кризисные дни в предупредительном порядке массовые аресты бывших функционеров рабочего движения не только оставались зачастую в силе, но дополнялись еще новыми арестами в той среде, где в эти дни можно было наблюдать признаки сопротивления. Но в качестве самой внушительной демонстрации внутренней мощи режима были задуманы и подготовлены — еврейские погромы.

Когда в первый год испанской гражданской войны стихийное оппозиционное движение в Верхней Италии усилилось настолько, что во многих городах публика в кафе начала открыто слушать испанские правительственные радио-передачи, фашисты не сочли уже возможным полагаться на чисто полицейские меры, а начали, как в былое «боевое время», посылать карательные экспедиции чернорубашечников, разбивавшие в дребезги инвентарь и колотившие гостей. Когда месяц спустя после Мюнхена, вопреки недавним успехам и вопреки борьбе против «внутренних врагов» в Германии, массовое оппозиционное настроение, питаемое явно продолжающейся политическою и военно-техническою подготовкою к войне и наростающим недоверием к режиму, стало почти столь же сильным и явным, как было до кризиса, национал-социализм ухватился за еврейские погромы. Погромы эти проводились заранее выбранными частями штурмовиков, особого корпуса и гитлеровской молодежи, под надзором полиции и пожарной команды, под руководством местных партийных организаций, а в Мюнхене — под личным наблюдением с'ехавшихся туда по случаю 9 ноября партийных нотаблей, но без всякого участия населения, и со всеми своими зверствами и грабежами были ничем иным, как гигантской карательной экспедицией, имеющей целью запугать всех противников. Одновременно, правда, они были и началом задолго уже подготовленной экспроприации, предназначенной для покрытия громадных расходов, вызванных проведенной в ходе кризиса мобилизацией.

Ничто не характеризует нынешнего положения в Германии лучше, как тот факт, что эта колоссальная операция запугивания оказалась в смысле влияния на настроение народных масс столь же безрезультатной, как недавние крупные внешне-политические успехи. Вопреки наличию антисемитски нафанатизированного меньшинства и вопреки тому удовольствию, с которым многие участники погромов повествовали затем о своих «подвигах», определенным ответом населения был ужас, отвращение, стыд, а в неожиданно большем числе случаев и активная солидарность с жертвами. Когда германский народ проснулся утром после грабежей и поджогов и увидел, что натворил якобы его гнев, в толпах, скоплявшихся перед разгромленными лавками, начались такие-же открытые дискуссии, как в дни кризиса, — и даже в такой степени, что партия вынуждена была приступить в никогда не виданных дотоле размерах к массовой рассылке команд для подслушивания и к массовым арестам критиков. Все магазины должны были вывесить распределенне партией в обязательном порядке вывески с воспрещением доступа евреям, но владельцам продовольственных лавок только наряды штурмовиков, при протестах прохожих, могли помешать продавать еврейским матерям молоко для их детей. Невозможно перечислить случаи, когда арийские соседи делали закупки для евреев, арийские знакомые в течение ряда дней укрывали угрожаемых арестом евреев и, в ожидании гостей, приискивали для них другие убежища, помогали им прятать при приближении громил ценнные вещи и, прощаясь с изгоняемыми евреями, с плачем просили их рассказать заграницей, что германский народ не повинен в этом позоре. В Берлине сама полиция нередко умудрялась предупреждать намеченные жертвы о грозящем им аресте, и даже некоторые из погромных команд не выполнили данного им наряда. Особенно резко высказывали свое возмущение активные католики, не без основания усматривавшие в событиях лишь пролог ко всеобщей экпроприации и их собственных учреждений и к натравливанию одетой в мундиры черни и на их собственных вождей.

Быстрота, с какою на этот раз свелся на нет внешне-политический успех, откровенность, с которою высказывается не ослабевающий страх перед войною решительность, с которою отвергается погромная кампания, не могут быть об'яснены лишь самими последними событиями. Кто сравнивает нынешнюю Германию с Германией, какой она была один, два, три года тому назад, тот видит, что действие пережитого острого потрясения об'ясняется тем, что изменился общий фон, на котором эти события разыгрываются. Сейчас в Германии имеется в массах прочное оппозиционное настроение против режима, меняющееся в своей интенсивности в зависимости от социальных и местных условий и от хода событий, но имеющее постоянную общую основу. Эту основу можно формулировать так, что после того, как испарилось первоначальное воодушевление и были преодолены первоначальные трудности, связанные с введением нового режима, монополия пропаганды и террор толкнули повсюду массы в а-политизм, вызвали их уход из сферы государственных интересов в сферу интересов личных. По началу а-политизация эта помогла стабилизированию режима. Но лишь только режим оказывается вынужденным, как это неизбежно при его нынешней воинственной политике, требовать от масс усиленных жертв, а-политизм их обращается против режима: народные массы, не доверяющие уже никакой пропаганде и не склонные приносить жертвы во имя чего бы то ни было, приходится принуждать к таким жертвам против их воли: внутренне они отказывают в поддержке режиму, в создании и функционировании которого никак не участвуют.

Если исключить, с одной стороны, Австрию, где все окрашивается теми трудностями, на которые наталкивается самоутверждение нового режима после того, как первоначальные восторги отошли в прошлое, и которые выражаются, прежде всего, в неописуемом административном хаосе, небывалой коррупции и глубоком недовольстве населения новыми ценами и новыми условиями труда, а, с другой стороны, судетскую область, которая, в общем и целом, еще переживает начальную фазу национал-социалистического энтузиазма, — то дальше всего подвинулся процесс отхода масс от режима в южной Германии, где он уже и внешне проявляется в более скромном вывешивании оффициально обязательных флагов в высоко-торжественные дни, в исчезновении значков и «гитлеровского» приветственного жеста. Здесь численно играют большую роль средние слои, оппозиция которых наименее поддается контролю и в то же время наиболее бросается в глаза, и здесь сопротивление режиму имеет, если не вождя, то

внешний символ в католической церкви. В северной Германии внешнее соблюдение полагающегося по режиму ритуала еще гораздо сильнее в ходу, и открытые дискуссии начались здесь лишь в самые последние дни кризиса. По своему удельному весу решающей является здесь уже сейчас оппозиция промышленных рабочих, которые — особенно в крупных предприятиях — поставлены под чрезвычайно бдительный надзор и потому лишь в исключительных случаях могут выразить свое оппозиционное настроение громко (как это было, напр., на вокзалах при массовой отправке рабочих на западную границу для постройки укреплений). Но именно вследствие такой внешней скованности ожесточение здесь еще сильнее, и, где только возможно, образуются вокруг известных из прошлого функционеров неоформленные группы друзей, пытающиеся вытеснить национал социалистов из предприятий, предупреждающие друг друга от грозящих опасностей и т. п.

Что касается чисто буржуазной оппозиции, то в этом отношении после внешне - политических успехов Гитлера и, особенно, после чистки генералитета от оппозиционных клик стало спокойнее. Ядром того, что называется буржуазной оппозицией, становится теперь интеллигенция, в своем значительном большинстве сознательно и принципиально отходящая от режима, но не в сторону политической активности, а в сторону духовного самозамыкания в какую-то внутреннюю эмиграцию. Она же составляет активное ядро и упорной церковной оппозиции, под давлением режима получающей иногда сектантский уклон.

Наиболее сильной опорой режима является и по-сейчас известная часть молодежи, особенно того поколения, основное духовное самоопределение которого приходится на первые годы после победы национал-социализма. Поскольку можно судить о самом молодом поколении, воспитанном уже по фашистски, — на него режим может положиться гораздо меньше: в нынешней Германии оно зачастую находится во власти смутных вопросов и исканий, которые, правда, еще весьма далеки от ориентации в духе политических идей сознательных противников режима.

Пока массовое настроение, в общем, характеризуется не оппозиционными действиями, а высказыванием оппозиционных мнений, не созданием организаций на предприятиях, а ругательствами в лавках, не выдвиганием анти-фашистских политических задач, а пассивным отходом от всякого контакта с режимом. Но отход этот является несомненным фактом.

По России

«ВОЗВРАЩЕНЦЫ» ИЗ СОВЕТСКОГО СОЮЗА.

...Среди всего того тяжелого, что пришлось пережить за последний год европейским и, в частности, австрийским и немецким рабочим, потонуло, вернее, опустилось на дно души то разочарование в СССР, с которым вернулись в Европу тысячи рабочих из Советской России. Речь идет не о каких-нибудь сенсационных разоблачениях, а всего-на-всего о невидимой простому глазу, часто скрываемой глубокой внутренней боли. Я имел много встреч с этими **«возвращенцами»** и хочу вкратце поделиться их думами и настроениями.

Туда, в СССР, они ехали одиночками или группами бодрые, радостные, исполненные энергии. А возвращение их немножко похоже было на возвращение остатков некогда большой, потерпевшей жестокое поражение армии. Самое возвращение происходило в тяжкой обстановке. Подавляющее большинство — возвращенцы по-неволе: они были высланы из СССР.

Положение иностранных рабочих особенно ухудшилось со времени московских процессов, именно с этого времени на каждого иностранца стали смотреть, как на потенциального шпиона. Это распространилось и на иностранных рабочих. Тут ничто не помогало: ни долголетнее пребывание в стране, ни принадлежность к компартии. Некоторые из этих рабочих стали подавать заявление о желании перейти в советское гражданство. Но переход практически был обставлен такими трудностями, что его нельзя было осуществить. Мне известна история двух иностранцев: один из них перешел в советское гражданство, другой пожелал вернуться на родину. Перешедшего в советское гражданство вскоре арестовали и он получил 5 лет ссылки.

Враждебно подозрительное отношение к иностранцам идет сверху. Это рикошетом сказывается и на отношении широких кругов населения. Люди побаиваются иметь общение с иностранцами, сторонятся их. Характерно это не только для обывательских кругов, но и для рабочих. Правда, у этих последних это отношение выросло из других предпосылок. Советские рабочие вначале были настроены дружелюбно. Элементы **«ксенофобии»** у них — следствие политики власти: в разгар пятилетки, сопровождавшейся голодом и лишениями, иностранные специалисты и иностранные рабочие были поставлены в привелигированное положение, получали не только лучшие пайки, но снабжались и дефицитными продуктами. Это вызвало настороженное к ним отношение среди остальной рабочей массы. Надо отдать справедливость многим иностранным рабочим: получая продукты, они сплошь и рядом делились получкой с русскими товарищами. Но это, конечно, не решало большого общего вопроса, а порой подливало масла в огонь: так становилось известным, что получают иностранцы. Таким образом почва для недружелюбного отношения к иностранцам была подготовлена задолго до того, как переменился политический курс к ним.

Впрочем, многие из «возвращенцев» считают, что подлинной причиной репрессий вовсе не являются процессы, развязавшие стихию **«шпиономании»**, а то, что с иностранными рабочими хлопотливо органам власти и что нельзя им втирать очков насчет положения западно европейского пролетариата.

Первая моя встреча с «возвращенцами» произошла нечаянно. Я зашел проведать старого приятеля, рабочего-профсоюзника и застал у него несколько рабочих, совсем недавно вернувшихся из СССР. Это было незадолго до аннексии Австрии Гитлером. По случаю их прихода мой приятель поставил бутылку вина. Беседа вначале не клеилась. Но когда вино было разлито по рюмкам, гости чокнулись и, невесело подмигнув куда-то в пространство, вдруг по-русски сказали **«Спасибо Сталину».** Почему не на здоровье? спросил кто-то. — «Видите-ли, это вошло в обычай, вместо «за здоровье» русские рабочие говорят иронически «Спасибо Сталину», желая этим сказать: «Спасибо Сталину, что хоть вино нам оставил». Пьют в СССР много, как прежде, в вине хотят забыться.

Большинство «возвращенцев», с которыми мне пришлось встретиться, относится к **старшему поколению рабочих.** Некоторые из них провели в Советской России 10-11 лет; особенно много поехало в разгар пятилетки в 1930-31 гг. Все это высококвалифицированные металлисты, строительные рабочие, почти поголовно коммунисты, некоторые даже коммунисты с момента возникновения немецкой и австрий-

ской компартии. До этого они были социал-демократами, работали нелегально еще во время мировой войны. Толкнула их на поездку в СССР не безработица и не нужда, — сплошь и рядом они бросили работу, ликвидировали домашность и поехали в СССР, чтобы принять там активное участие в «строительстве социализма»». Первые впечатления их были в общем оптимистичны, несмотря на острую нужду, порой невероятно скверные жилищные условия (на новостройках). Но все-же русские рабочие работали не на предпринимателей, не на капиталистов, а, значит, помогая им, иностранные рабочие помогали своим братьям строить свое государство...

Но ведь в этом отношении и сегодня ничего не изменилось! — не удержался я, — ведь в Советском Союзе и сегодня нет капиталистов, так откуда же это разочарование?

Это все так, ответил один из них, но надо было побывать там, на своем опыте, своими глазами видеть на каждом шагу, как в действительности бесправен советский рабочий, чтобы понять, почему суб'ективно он не радуется, что не работает на капиталиста. В непосредственном восприятии рабочего человека капиталист давно заменился бюрократом. Ненависть к бюрократии у советских рабочих беспредельна. Она питается из двух источников: из ощущения своего полного бесправия и из привелигированного положения бюрократии.

На перебой стали они рассказывать о положении рабочих. Вот рабочий заболел, но если температура у него не достигает 38,5, он не может получить бюллетеня, и многие выходят поэтому на работу больными, боясь потерять работу. О своем положении, о расценках, о коллективном договоре советский рабочий не может заикнуться, ибо такие разговоры — «троцкизм», за это следует таинственное исчезновение носителя «заразы».

«На что уж не сладка диктатура Шушнига, — сказал мне один австрийский рабочий, — но уверяю тебя, она несравнима с режимом там. Ведь здесь можно хоть у себя дома отвести душу. Прибавь к этому материальное положение советского рабочего: ведь, в Европе на пособие безработного можно купить столько же, если не больше того, что может иметь советский рабочий за свою зарплату». Но особенно тяжко, когда видишь, как рядом живут бюрократы».

«Благодаря тому, что большинство иностранных рабочих было поставлено в привилегированное положение, — рассказывал один пожилой быв. коммунист-«возвращенец», — мы имели возможность близко заглянуть в жизнь и нравы этих господчиков. Ну, и люди! Мы, иностранные рабочие, часто стыдились того, что получаем больше наших товарищей, делились с ними, но ни мы, ни наши жены никогда не видели, чтобы эти бюрократы чем-нибудь помогли бок-о-бок с ними живущим рабочим. И как они обжираются, как жадны! Они принимают привилегии как должное, умножают их, как могут, строят себе шикарные дома-виллы, дачи. Весь подмосковный лес размежеван и участки сдаются государством в аренду. По этому поводу обыватели иронизируют: что-что, а размежевание у нас идет успешно! На этих арендуемых участках бюрократы и строят виллы. Аренда настолько долгосрочна, что, хотя собственность на землю отменена, владелец такого арендного участка может его продать другому лицу»...

И вот еще черточка: один из вернувшихся вскоре получил место в небольшом предприятии. Я познакомился с ним ближе у знакомых, куда он пришел встретить Новый год. Войдя, он тут-же с порога сказал нам: «Представьте себе, хозяин предприятия подошел сегодня ко мне, поздравил с наступающим Новым годом и пожал мне руку». — Ну, что-ж из того? — возразили мы. — «Как, что из того, да разве мыслимо было бы в СССР, чтобы директор предприятия поздравил рабочих и пожал бы им руку?»

Немецкие и австрийские товарищи считали, что «возвращенцы» перегибают палку в своих отрицательных оценках СССР. На эту тему с ними однажды завязалась дискуссия. Сравнивали два режима — гитлеровский и сталинский. Во главе немецкого государства стоит национал-социалистическая партия, в которой каждый отдельный член бесправен, над Советской Россией главенствует монолитная компартия, в которой тоже отдельный член партии — пешка. И там и тут имеются мощные организации молодежи, пионеров, и тут, и там произвол в руках двух организаций государства: в одном случае Гестапо, в другом — ГПУ, в СССР имеется организация профсоюзов, ей в Германии соответствует «Арбейтсфронт». И тут, и там — последнее слово принадлежит партийной и хозяйственной бюрократии. «Возвращенцы» единодушны в выводах: «нет существенной разницы между этими обоими режимами». Человек — сделавший первый этот вывод — пожилой рабочий-коммунист, много лет проведший в СССР. Когда он это сказал, у него были влажные глаза и тихо, почти про себя, он добавил: «И вот за это я отдавал свою жизнь»...

Должен оговориться: при всей резкости оценок СССР, никто из вернувшихся пожилых рабочих не выступал публично с рассказами — своих впечатлениях. Они делились ими только в своей товарищеской среде (все они бывшие коммунисты) старым и надежным друзьям и даже не рассказывали об этом социалистам. Все они приехали из СССР противниками диктаториального режима, и никого из них никогда уж нельзя будет завербовать в сторонники авторитарного государства.

◆

Многие из вернувшихся производили впечатление людей душевно сломленных и дезориентированных политически. К счастью, это впечатление (по крайней мере для части!) оказалось неправильным: придя в себя от всего пережитого, приобретя какую-то «дистанцию» в отношении СССР, эти люди вновь приняли участие в рабочем движении, борются за интересы рабочего класса.

Особо нужно отметить в рассказах «возвращенцев» то разграничение, которое ими проводилось в отношении режима и страны. Ненавидя режим и его бюрократию, считая ее гибельной не только для рабочего класса, но и для страны в целом, все они очень тепло отзывались о людях, о своих русских друзьях-рабочих. На тех из иностранных рабочих, которые много лет провели в СССР, не распространилось недружелюбное отношение к иностранцам, которое сейчас так характерно. Все они имели уже свой дружеский круг людей среди советских рабочих. Когда кто-нибудь из иностранных рабочих уезжал в Европу, так уж повелось, что его приходили провожать знакомые на вокзал. Было известно, что эти проводы обходятся остающимся дорого: некоторые платились за это арестом. И тем не менее рабочие приходили на вокзал, не считаясь с неминуемыми последствиями. «Возвращенцы» не упрекают русских рабочих за пассивность. Зная советские условия, они говорят, что никакая прямая борьба против режима там невозможна.

«На что-же там надеются?» — вот вопрос, который естественно возникает у каждого, слушающего рассказы. Многие отвечают очень пессимистично, неизменно прибавляя: «А какая страна! И что можно было бы там сделать!»

Особое место занимает в рассказах «возвращенцев» проблема **войны.** Красная Армия хорошо организована и хорошо снабжена. Но нельзя закрывать глаза на то, что это достигается тем, что в отношении армии не принимаются в соображение вопрос о стоимости. Военная промышленность не знает проблемы дефицита, здесь все подчинено одному императиву: это нужно для армии. Во время войны все народное хозяйство подвергается как бы экзамену, и в случае войны СССР может оказаться в трудном положении, несмотря на блестящие частичные результаты достигнутые, например, в авиопромышленности). Молодежь, не знавшая никогда другого режима, кроме теперешнего, несомненно будет сражаться за СССР. Иначе обстоит дело со всем старшим поколением. Нельзя недооценить значение широко распространенного в населении мнения: **«Хуже чем при Сталине ничего быть не может».** И это мнение **не только** озлобленных обывателей...

М.

ИЗДАНИЯ, ПОСТУПИВШИЕ В РЕДАКЦИЮ.

Otto Bauer. Die illegale Partei (Aus dem unveröffentlichten Nachlass. Paris. Editions «La Lutte Socialiste». 1939. S. 208. Preis im Buchhandel 20 fr. Francs.
La Révolution Prolétarienne, N° 282, 283, 284.
Der Sozialistische Kampf, N° 13, 14, 15.
Nouveaux Cahiers, N° 35, 36.
Socialist Review, Vol. 6. Nr. 8.
Delnicka Osveta, Prague. N° 7-8.
Les 13 *Points* pour lesquels combat l'Espagne. Editions Espagnoles. 1938.
Declaration de M. le Président du Conseil Dr Negrín (Barcelone 14 Octobre 1938). Editions Espagnoles. 1938.
Que faire? N° 48.
Deutschland-Berichte, Nr. 11.
Русские Записки, Декабрь 1938.
Новая **Россия,** № № 57, 58.
Українська Воля, № 6.
С. П. **Мельгунов.** «Российская контр-революция» (методы и выводы ген. Головина). Париж.
Бюллетень оппозиции, № 72.

ТОВАРИЩ, ПРОЧИТАВ ПЕРЕДАЙ ДРУГОМУ!

От редакции. — Начиная со следующего номера «С. В.» будет отмечать поступление лишь тех органов русской периодической печати, которые и со своей стороны отмечают получение обменных экземпляров нашего журнала.

От редакции. — Настоящий номер выходит с значительным запозданием вследствие технических неполадок в типографии, вызванных морозами.

За недостатком места откладываются до следующего номера статьи **А. Горского** о современном антисемитизме и **Г.** борьбе против гитлеризма в Прибалтике.

Le Gérant : Paul Colliette

Imp. Union 13, rue Méchain. Par